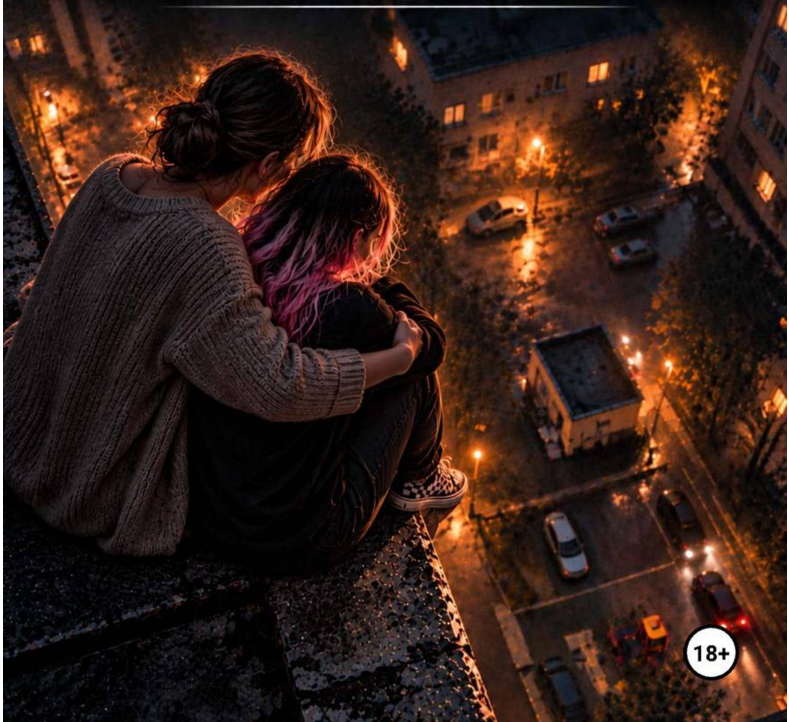
ИВАН ГРЕШНИК

ПЕРЕД ТЕМ КАК ИСЧЕЗНУТЬ

ПСИХОЛОГИЯ СУИЦИДАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ

ТОМ 3: ПУТЬ К БЕЗОПАСНОСТИ И ВОССТАНОВЛЕНИЮ

18+

Иван Грешник

Перед тем как исчезнуть. Психология суицидальных состояний. Том 3: Путь к безопасности и восстановлению

https://litres.ru/74647152
SelfPub; 2026

Аннотация

«Перед тем как исчезнуть. Психология суицидальных состояний. Том 3. Путь к безопасности и восстановлению» — заключительная часть серии о преодолении психологического кризиса, поиске поддержки и возвращении к жизни.

Как предотвратить повторный кризис? Как восстановить доверие к себе и окружающим, пережить утрату, справиться с одиночеством и найти новые смыслы после тяжёлых испытаний?

В третьем томе рассматриваются способы поддержки человека в кризисе, особенности помощи подросткам и пожилым людям, влияние общественных ожиданий, культуры и религии. Особое внимание уделяется личному плану безопасности, профилактике повторного кризиса, восстановлению психологической устойчивости и переживанию потери близкого из-за самоубийства.

Эта книга напоминает: помощь не нужно заслуживать, временные трудности не обесценивают достигнутого, а путь к восстановлению у каждого свой.

Содержание

Том 3. Путь к безопасности и восстановлению 7
Глава 25. Как близким поддерживать человека и не усиливать его чувство вины 8
Страх близких: что происходит после пережитого кризиса 11
Чувство вины: «Я должен был заметить раньше» 14
Когда забота превращается в гиперконтроль 17
Почему нельзя требовать постоянного подтверждения, что всё хорошо 20
Чувство ответственности: где заканчивается помощь близкого 22
Когда забота начинает усиливать вину 25
Границы: как заботиться и не разрушать собственную жизнь 27
Выгорание близких: когда сил больше не остаётся 30
Как распределять поддержку между несколькими людьми 33
Пример 35
Что показывает эта история 40
Как поддерживать без постоянного контроля 42
Как говорить о возвращении тяжёлых мыслей 44

Как сохранить уважение к самостоятельности 46
Как поддерживать и одновременно заботиться о себе 48
Если отношения до кризиса были болезненными 50
Как говорить с детьми и другими членами семьи 52
Восстановление отношений — это не возвращение к прежнему порядку любой ценой 54
Что делать, если близкий не хочет обсуждать произошедшее 56
Поддержка, в которой есть место обеим сторонам 58
Глава 26. Суицидальные мысли у подростков: как распознать кризис и помочь 63
Почему подростковые переживания могут становиться настолько тяжёлыми 65
Почему подросток может скрывать свои мысли 69
Какие изменения должны насторожить взрослых 71
Как начать разговор без унижения и угроз 73
Чего не следует говорить 75
Когда необходимо подключать специалистов 77
Почему нельзя обещать хранить всё в тайне 79

Как помочь подростку вернуть ощущение опоры 81
Пример 83
Психологический анализ примера 86
Что важно помнить взрослым 88
Глава 27. Суицидальные мысли в пожилом возрасте: утраты, здоровье и одиночество 92
Когда утрата меняет представление о будущем 95
Хронические заболевания и потеря самостоятельности 98
Ощущение, что ты стал обузой 101
Одиночество и социальная изоляция 104
Депрессия в пожилом возрасте: почему её можно не заметить 107
Почему важно уважать самостоятельность 109
Медицинская, психологическая и социальная поддержка 111
Конец ознакомительного фрагмента. 113

Иван Грешник
Перед тем как исчезнуть. Психология суицидальных состояний. Том 3: Путь к безопасности и восстановлению

Том 3. Путь к безопасности и восстановлению

Глава 25. Как близким поддерживать человека и не усиливать его чувство вины

Когда близкий человек переживает суицидальный кризис, жизнь его семьи, партнёра или друзей тоже может резко измениться. Ещё недавно отношения строились вокруг привычных дел, общих планов и повседневных обязанностей. Теперь каждое изменение настроения вызывает беспокойство, обычная ссора кажется потенциально опасной, а отсутствие ответа на сообщение может пробуждать страх, что произошло что-то непоправимое.

Человек, который поддерживает близкого, может постоянно возвращаться к одному вопросу: «Что, если это повторится?» Он вспоминает обстоятельства кризиса, анализирует прежние разговоры и пытается понять, какие признаки мог пропустить. Иногда появляется чувство вины: если бы он раньше заметил страдание, выбрал другие слова или настойчивее предложил помощь, возможно, произошедшего удалось бы избежать.

Страх постепенно меняет отношения. Родственник начинает проверять, как человек себя чувствует, партнёр старается не оставлять его одного, друг постоянно пишет сообщения и отменяет собственные планы, чтобы быть доступным

в любой момент. Любое молчание вызывает тревогу, любое проявление раздражения воспринимается как предупреждение, а любое улучшение кажется недостаточно надёжным.

За подобным поведением часто стоит любовь и желание защитить. Человек не хочет повторения трагедии, поэтому пытается контролировать всё, что кажется ему потенциально опасным. Но постоянный контроль не способен дать абсолютную гарантию безопасности. При этом он может усиливать чувство вины, стыда и зависимости у того, кому пытаются помочь.

Человек после суицидального кризиса может начать скрывать переживания, потому что боится снова напугать близких. Он может перестать говорить о возвращении мыслей о смерти, чтобы не вызвать слёзы, панику или очередной конфликт. Он может соглашаться с советами внешне, но внутри чувствовать себя всё более одиноким.

Так возникает противоречие: чем сильнее близкий пытается контролировать состояние другого, тем труднее тому иногда становится честно говорить о происходящем. Забота, которая должна поддерживать связь, начинает превращаться в дополнительную нагрузку.

Это не означает, что после суицидальной попытки необходимо отказаться от наблюдения за безопасностью или оставить человека полностью предоставленным самому себе. Если существует непосредственная угроза жизни, требуются конкретные защитные действия и профессиональная по-

мощь. Но в ситуациях, когда непосредственная опасность миновала, важно постепенно выстраивать другой формат отношений: внимательный, уважительный и основанный на совместных договорённостях.

Поддержка не предполагает, что один человек обязан стать единственной опорой другого. Она также не требует, чтобы близкий отказался от собственных потребностей, работы, отдыха и личной жизни. Более устойчивый подход позволяет сочетать заботу с уважением к самостоятельности, а внимание к безопасности — с признанием того, что никто не может полностью контролировать чужое внутреннее состояние.

Страх близких: что происходит после пережитого кризиса

Когда человек узнаёт, что близкий думал о самоубийстве или совершил попытку, он может испытать сильнейший страх. Иногда это происходит внезапно: ещё недавно отношения казались привычными, а теперь становится ясно, что другой человек переживал состояние, о тяжести которого никто не знал.

Первой реакцией может быть растерянность. Родственник не понимает, что говорить, как задавать вопросы и какое поведение считать опасным. Он боится оставить человека одного, но одновременно опасается чрезмерного вмешательства. Ему хочется защитить близкого, однако он не знает, какие действия действительно помогают.

После первоначального потрясения страх может сохраняться даже тогда, когда непосредственная опасность уже миновала. Человек начинает прислушиваться к интонациям, анализировать сообщения, вспоминать каждую фразу и искать признаки возможного ухудшения. Ему кажется, что если он будет достаточно внимательным, то сможет предотвратить любой повторный кризис.

Иногда появляется убеждение: «Теперь я должен всё время быть начеку». Человек старается не показывать собственную тревогу, но внутри остаётся в постоянном напряжении.

Он может просыпаться ночью, проверять телефон, откладывать свои дела и чувствовать вину за любое желание отдохнуть.

Такое состояние понятно. После пережитой угрозы жизни близкого человеку бывает трудно снова почувствовать себя в безопасности. Но постоянная настороженность истощает силы и не позволяет восстановить обычную жизнь.

Важно различать разумное внимание к состоянию и попытку контролировать каждую деталь. Разумное внимание предполагает, что близкие знают, какие признаки ухудшения требуют реакции, понимают, к кому обращаться, и могут поддержать человека в получении помощи. Постоянный контроль предполагает попытку заранее обнаружить любую опасность во всех словах, действиях и эмоциональных реакциях другого.

Первый подход помогает организовать поддержку. Второй может сделать отношения напряжёнными, поскольку ни один человек не способен постоянно отслеживать каждую перемену и точно определять, что она означает.

Близким важно постепенно возвращать себе право жить собственной жизнью. Это не означает забыть о пережитом или относиться к суицидальным мыслям легкомысленно. Это означает признать, что безопасность обеспечивается не непрерывным личным наблюдением, а сочетанием профессиональной помощи, согласованных действий, доступной поддержки и своевременного реагирования на ухудше-

ние состояния.

Если страх остаётся настолько сильным, что мешает спать, работать, общаться или чувствовать себя спокойно даже при отсутствии непосредственной угрозы, близкому тоже может потребоваться психологическая помощь. Он не обязан справляться со всеми последствиями пережитого самостоятельно.

Чувство вины: «Я должен был заметить раньше»

После кризиса многие родственники начинают пересматривать прошлое. Они вспоминают, как человек отказывался от встреч, говорил о бессмысленности жизни, становился раздражительным или замыкался в себе. Теперь эти события приобретают новый смысл.

Близкий думает: «Почему я не понял, насколько всё серьёзно?», «Я должен был спросить», «Если бы мы поговорили раньше, ничего бы не случилось».

Иногда эти мысли сопровождаются попытками найти конкретную ошибку, которая якобы объясняет произошедшее. Человек снова и снова возвращается к прошлым разговорам, анализирует свои слова и представляет, как всё могло бы измениться, если бы он поступил иначе.

Но знание, которое появляется после кризиса, отличается от информации, доступной до него. Когда мы уже знаем о случившемся, прежние события могут казаться более очевидными и однозначными, чем были в действительности.

До кризиса близкий мог видеть только отдельные изменения: усталость, раздражительность, отказ от встреч или привычку говорить, что всё нормально. У каждого из этих признаков могло быть несколько объяснений. Человек мог не рассказывать о своих переживаниях, потому что боялся

осуждения, сам не понимал серьёзности состояния или не знал, как попросить о помощи.

Поэтому нельзя автоматически заключать, что близкий должен был всё распознать заранее. Иногда тревожные изменения действительно можно заметить раньше, но это не означает, что окружающие способны безошибочно предсказать развитие кризиса.

Чувство вины может быть связано и с реальными ошибками. Возможно, родственник действительно обесценивал переживания, говорил резкие слова или слишком долго откладывал серьёзный разговор. В такой ситуации полезно признать произошедшее, понять его влияние на отношения и по возможности изменить своё поведение.

Но признание ошибки отличается от убеждения, что именно один человек несёт полную ответственность за чужую жизнь. Суицидальный кризис обычно связан с сочетанием факторов, а его развитие невозможно полностью контролировать средствами семейной поддержки.

Если близкий считает себя обязанным предотвратить любые будущие ухудшения, он может постоянно требовать от себя невозможного. Любая трудность другого человека будет восприниматься как свидетельство собственной неудачи. Возникает новый источник тревоги, который мешает помогать спокойно и последовательно.

Более реалистичная позиция звучит иначе: «Я не всегда понимал, насколько ему тяжело. Теперь я могу внимательнее

относиться к его словам, учиться говорить о безопасности и помогать обращаться за профессиональной помощью».

В такой позиции есть ответственность за собственные действия, но нет требования стать всезнающим и полностью контролировать другого человека.

Когда забота превращается в гиперконтроль

После суицидального кризиса близким может хотеться постоянно знать, что происходит с человеком. Они начинают спрашивать, как он себя чувствует, почему задержался, с кем общается и о чём думает. Иногда проверяют его телефон, читают переписки, требуют немедленно отвечать на сообщения или настаивают, чтобы он рассказывал о каждом изменении настроения.

Подобные действия могут восприниматься как способ защитить жизнь. Человеку кажется: если он будет знать всё, то обязательно заметит опасность вовремя. Но такой контроль не обеспечивает полной гарантии. Кроме того, он способен разрушать доверие.

Представим человека, который после попытки возвращается домой и пытается восстановить привычный ритм. Он понимает, что близкие переживают, и старается учитывать их страх. Но если каждый его вздох вызывает вопрос о суицидальных мыслях, а желание побыть одному воспринимается как сигнал опасности, у него постепенно исчезает пространство для обычной жизни.

Он может начать скрывать плохое настроение, потому что не хочет запускать очередной тревожный разговор. Если испытывает раздражение, старается улыбаться. Если мысли о

смерти возвращаются, молчит, опасаясь, что родственник запаникует или снова запретит ему оставаться одному.

В результате внешне близкий может выглядеть спокойнее, но это не обязательно означает улучшение внутреннего состояния. Возможно, он просто перестал говорить о том, что переживает.

Гиперконтроль также способен мешать восстановлению самостоятельности. Человек может начать чувствовать, что после кризиса утратил право принимать решения, выбирать занятия или самостоятельно справляться с повседневными задачами. Ему кажется, что окружающие больше не видят в нём взрослого человека, которому можно доверять.

Однако суицидальный кризис не означает, что вся жизнь человека должна навсегда превратиться в наблюдение за ним. По мере стабилизации состояния полезно обсуждать, какая поддержка действительно нужна, какие действия согласованы со специалистами и как постепенно восстанавливать личное пространство.

Это не означает, что можно игнорировать риск. Если есть непосредственная угроза жизни, требуются срочные меры безопасности и профессиональная помощь. Но в отсутствие такой угрозы постоянные проверки не должны становиться автоматической реакцией на каждое проявление грусти, раздражения или усталости.

Полезно задавать себе вопрос: «Это действие действительно помогает обеспечить безопасность или сейчас я пы-

таюсь уменьшить собственный страх за счёт контроля над другим человеком?»

Ответ не всегда будет очевидным. Иногда проверка действительно необходима, а иногда тревога заставляет вмешиваться там, где полезнее спокойно поговорить и сохранить договорённости. Важнее не стыдить себя за страх, а учиться различать его и реальные признаки опасности.

Почему нельзя требовать постоянного подтверждения, что всё хорошо

Близкий человек может стремиться регулярно получать заверения: «Ты же больше не думаешь о смерти?», «Ты обещаешь, что ничего не сделаешь?», «Ты точно в порядке?»

Такое поведение часто связано с потребностью уменьшить тревогу. Услышав ответ «всё хорошо», родственник на некоторое время успокаивается. Но затем возникает новое сомнение, и вопрос повторяется.

Проблема в том, что ни один ответ не может дать абсолютной гарантии будущего. Человек может искренне чувствовать себя лучше сейчас и всё равно столкнуться с ухудшением позднее. Он может не хотеть причинять себе вред, но испытывать возвращение тяжёлых мыслей. Если от него постоянно требуют обещаний, он может начать воспринимать их как обязанность скрывать собственные изменения.

Иногда человек отвечает, что всё хорошо, не потому, что хочет обмануть близких, а потому, что устал постоянно объяснять состояние. Он может чувствовать, что любое признание в тревоге приведёт к очередной проверке. Поэтому выбирает короткий ответ, который завершает разговор.

Вместо постоянного требования заверений полезнее до-

говориться о понятном формате общения. Например, можно обсудить, как человек будет сообщать об ухудшении состояния, к кому он сможет обратиться и какие действия предпринимать, если снова появятся суицидальные мысли.

Такая договорённость не является обещанием никогда больше не испытывать тяжёлых эмоций. Она помогает определить, что делать, когда они возникают.

Если близкий говорит, что снова думает о смерти, важно не обвинять его за то, что прежние слова о восстановлении не означали окончательного исчезновения мыслей. Следует выяснить, насколько серьёзно ухудшилось состояние, есть ли непосредственная опасность и какая помощь необходима сейчас.

Если человек сообщает о намерении действовать, боится потерять контроль или не уверен в собственной безопасности, необходимо обращаться за экстренной помощью. В такой ситуации нельзя ограничиваться обещанием, что он ничего не сделает, или повторять один и тот же вопрос в надежде получить успокаивающий ответ.

Полезнее сосредоточиться на конкретных действиях: организации безопасной обстановки, привлечении специалистов и поддержке человека до тех пор, пока необходимая помощь не будет обеспечена.

Чувство ответственности: где заканчивается помощь близкого

Поддерживая человека после суицидального кризиса, легко начать воспринимать его жизнь как собственную ответственность. Родственник думает: «Если я не отвечу на звонок, что-то случится», «Если я позволю ему остаться одному, я буду виноват», «Я не могу заниматься своими делами, пока не уверен, что ему хорошо».

Постепенно такая позиция начинает определять всё поведение. Близкий отменяет встречи, откладывает отдых, постоянно держит телефон рядом и боится отойти даже ненадолго. Если человек испытывает грусть, родственник считает себя обязанным немедленно её устранить. Если тот не хочет разговаривать, близкий пытается добиться объяснения, потому что не может вынести неопределённость.

Но поддерживать человека и полностью отвечать за его внутреннее состояние — не одно и то же.

Близкий может выслушать, помочь обратиться к специалисту, содействовать организации лечения, участвовать в обсуждении плана безопасности и реагировать на непосредственную угрозу. Это значимые действия. Но он не может гарантировать, что другой человек никогда не испытает отчаяния, что все проблемы разрешатся или что будущие кризисы полностью исключены.

Даже при внимательном отношении некоторые изменения могут остаться незамеченными. Человек может скрывать переживания, испытывать симптомы, которые сложно распознать со стороны, или столкнуться с неожиданным ухудшением. Из этого не следует, что близкий обязан был действовать иначе или что он не сделал достаточно.

Важно также учитывать, что профессиональная помощь должна быть частью поддержки, если состояние серьёзное. Родственник не обязан выполнять функции психиатра, психотерапевта и кризисной службы. Если риск превышает возможности домашней поддержки, необходимо привлекать специалистов.

Особенно опасно, когда близкий начинает считать, что любое самостоятельное действие другого человека представляет угрозу. Тогда помощь превращается в ограничение жизни, а отношения постепенно строятся вокруг страха. Человек, которому помогают, может чувствовать себя беспомощным и зависимым, а тот, кто помогает, — истощённым и постоянно виноватым.

Более устойчивый подход предполагает распределение ответственности. Профессионалы занимаются медицинской и психологической помощью, близкие поддерживают в повседневной жизни, а сам человек по мере восстановления участвует в принятии решений и сообщает об изменениях своего состояния.

При непосредственной угрозе жизни близкий должен дей-

ствовать и обращаться за экстренной помощью. Но это не означает, что он обязан постоянно находиться в состоянии тревожной готовности и полностью отказываться от собственной жизни.

Когда забота начинает усиливать вину

Чувство вины может появляться не только после прямых обвинений. Иногда оно формируется через повседневные фразы, которые произносятся из любви, но воспринимаются человеком как требование постоянно оправдывать своё существование.

«Мы столько для тебя сделали».

«Посмотри, как ты нас напугал».

«Мы теперь за тебя боимся каждую минуту».

«Ты должен думать о том, как нам тяжело».

Каждая из этих фраз может отражать реальное переживание близкого. После суицидального кризиса семья действительно может испытывать сильный страх, усталость и бессилие. Но если человек слышит такие слова постоянно, он может начать считать себя источником чужого страдания.

Особенно тяжело это может быть тем, кто и до кризиса ощущал себя обузой. Он привык ставить потребности других выше собственных и считать свои трудности дополнительной нагрузкой для семьи. После попытки это убеждение может укрепиться: теперь ему кажется, что он не только не справляется с жизнью, но и причиняет окружающим постоянную боль.

Возникает опасная ситуация. Человек может скрывать

ухудшение состояния, чтобы не тревожить близких. Может говорить, что всё хорошо, даже если мысли о смерти возвращаются. Может избегать обращения за помощью, потому что боится, что семья не выдержит ещё одного испытания.

Это не значит, что близкие должны подавлять собственные эмоции или делать вид, будто произошедшее не затронуло их. Но важно выбирать форму разговора, которая позволяет выражать чувства, не возлагая на человека ответственность за необходимость немедленно успокоить всех окружающих.

Например, вместо «Ты представляешь, что ты с нами сделал?» можно сказать: «Я очень испугался, когда узнал о произошедшем. Мне до сих пор тяжело об этом думать, но я хочу понять, как тебе сейчас и какая поддержка нужна».

Вместо «Ты должен пообещать, что больше так не сделаешь» — «Мне важно, чтобы мы вместе со специалистом обсудили, что делать, если состояние снова ухудшится».

Вместо «Ты обязан радоваться, что остался жив» — «Тебе не нужно изображать радость. Я хочу, чтобы ты мог честно говорить о своих чувствах и получал необходимую помощь».

Такие формулировки не отменяют серьёзности произошедшего. Они помогают разговаривать о нём без дополнительного унижения.

Границы: как заботиться и не разрушать собственную жизнь

Поддержка человека после суицидального кризиса может требовать значительных эмоциональных ресурсов. Иногда родственник неделями живёт в постоянном напряжении, следит за сообщениями, откладывает личные дела и почти не позволяет себе отдыхать.

Постепенно появляются раздражительность, нарушения сна, трудности с концентрацией и ощущение, что больше нет сил. Человек может злиться на близкого за то, что тот нуждается в помощи, а затем испытывать стыд за собственный гнев. Ему кажется, что любая негативная эмоция означает недостаток любви.

Но любовь не устраняет физическую усталость и не делает человека бесконечно доступным. Можно сильно любить близкого и при этом уставать, испытывать страх, нуждаться в тишине или хотеть провести время вне кризисной ситуации.

Границы помогают сделать поддержку более устойчивой. Они позволяют понять, какую помощь человек действительно может предоставить и какие задачи необходимо передать другим людям или специалистам.

Например, родственник может договориться, что готов помочь с организацией визита к врачу и разговаривать о состоянии вечером, но не может отвечать на сообщения каж-

дую минуту в течение рабочего дня. Партнёр может сопровождать близкого на консультации, но при непосредственной угрозе обращаться за экстренной помощью, а не пытаться самостоятельно круглосуточно контролировать его состояние.

Важно обсуждать такие договорённости заранее, когда ситуация относительно спокойна, и по возможности учитывать рекомендации специалистов. Границы не должны использоваться как наказание или угроза прекращения отношений. Их задача — создать реалистичные условия для помощи.

Например, фраза «Я не могу больше этим заниматься, решай свои проблемы сам» может прозвучать как отвержение. Более конструктивно сказать: «Ты мне важен, и я хочу поддерживать тебя. Но я уже сильно истощён и не могу быть единственным человеком, который помогает. Давай подумаем, кого ещё можно привлечь и как организовать профессиональную поддержку».

В этой формулировке человек не отказывается от близкого, но честно обозначает ограничения и предлагает искать дополнительные ресурсы.

Иногда границы требуют конкретных изменений: распределить обязанности между родственниками, договориться о помощи с повседневными делами, обратиться к специалисту, найти группу поддержки или выделить время на отдых.

Если же близкий угрожает другому человеку, применяет насилие или создаёт опасную ситуацию, поддержка не требу-

ет терпеть происходящее. В таком случае необходимо обеспечить собственную безопасность и обратиться за соответствующей помощью. Забота о человеке в кризисе не отменяет права другого человека на защиту.

Выгорание близких: когда сил больше не остаётся

Эмоциональное истощение тех, кто поддерживает близкого, часто развивается постепенно. Сначала человек мобилизуется, потому что ситуация требует действий. Он организует медицинскую помощь, общается с врачами, помогает решать бытовые вопросы и старается быть доступным для разговоров.

На этом этапе собственные потребности могут казаться незначительными. Человек думает, что отдыхать нельзя, пока близкий не восстановится. Он откладывает встречи, меньше спит и старается не показывать тревогу, чтобы не усиливать переживания другого.

Через некоторое время постоянная настороженность начинает влиять на повседневную жизнь. Любой звонок вызывает страх, собственные планы кажутся неуместными, а отдых сопровождается чувством вины. Близкий может стать раздражительным, чаще срываться или испытывать эмоциональное онемение.

Иногда появляется скрытое раздражение на человека, которому помогают. Родственник думает: «Почему я должен постоянно следить за всем?», «Почему наши отношения теперь сводятся только к кризису?», «Почему я не могу просто жить своей жизнью?»

Эти мысли могут пугать, потому что кажутся несовместимыми с любовью. Но усталость и раздражение не обязательно означают отсутствие заботы. Они могут указывать на то, что нагрузка стала чрезмерной и требует перераспределения.

Если человек подавляет собственные чувства, они могут проявляться через холодность, резкие слова или отдаление. Затем он испытывает вину и пытается компенсировать её ещё большим участием. Так формируется ещё один круг: истощение вызывает раздражение, раздражение усиливает стыд, стыд заставляет брать на себя дополнительную нагрузку, и сил становится ещё меньше.

Разорвать этот круг помогает признание собственных ограничений. Близкому тоже необходимо спать, есть, отдыхать, работать, общаться с другими людьми и иметь пространство для собственных переживаний.

Иногда требуется помощь не только человеку после попытки, но и тем, кто находится рядом. Психологическая консультация может помочь разобраться с тревогой, чувством ответственности и страхом повторения кризиса. Группы поддержки для родственников, если они доступны и подходят человеку, могут дать возможность обсуждать пережитое с теми, кто сталкивается с похожими трудностями.

Важно не ждать полного истощения, прежде чем признать необходимость такой помощи. Чем устойчивее состояние близкого, тем больше возможностей оказывать поддерж-

ку без постоянного ощущения, что жизнь зависит исключительно от твоих усилий.

Как распределять поддержку между несколькими людьми

Когда вся поддержка сосредоточена на одном родственнике или партнёре, нагрузка становится особенно тяжёлой. Один человек может одновременно отвечать за бытовые дела, сопровождение к врачу, эмоциональные разговоры и постоянное наблюдение за состоянием близкого.

Это создаёт риск истощения и может делать систему помощи уязвимой. Если единственный поддерживающий человек заболеет, уйдёт на работу или окажется недоступен, другие варианты помощи могут отсутствовать.

Поэтому полезно, когда это возможно и безопасно, заранее определять несколько источников поддержки. Один человек может помогать с организацией медицинских консультаций, другой — с повседневными делами, третий — просто поддерживать контакт и проводить время вместе.

При этом распределение обязанностей не должно превращаться в обсуждение человека без его участия. Важно учитывать его предпочтения, уважать конфиденциальность и договариваться о том, кому и какая информация может быть сообщена.

Не обязательно рассказывать всем родственникам подробности суицидальных переживаний. Иногда достаточно поделиться той информацией, которая необходима для

конкретной помощи. Но если существует непосредственная угроза жизни, безопасность важнее сохранения абсолютной секретности, и необходимо привлекать тех, кто может обеспечить срочное вмешательство.

Поддержка нескольких людей также не означает, что все они должны круглосуточно следить за человеком. Задача заключается в создании доступной и понятной системы помощи, а не в превращении его жизни в постоянное наблюдение.

Полезно заранее определить, какие действия близкие могут выполнить самостоятельно, а в каких ситуациях нужно обращаться к специалистам. Если человеку требуется постоянное медицинское наблюдение или интенсивная помощь, не следует пытаться заменить её семейными договорённостями.

Чем яснее распределены роли, тем меньше вероятность, что один человек почувствует себя единственным, кто обязан предотвратить любой кризис.

Пример

Елене сорок лет. Она живёт с мужем Александром, с которым они вместе уже пятнадцать лет. У них есть дочь-подросток. До недавнего времени супруги в целом справлялись с повседневными трудностями, хотя в последние годы у Александра возникли проблемы на работе, а дома стало больше напряжения.

Александр привык считать себя человеком, который обязан обеспечивать семью. Когда его доход снизился, он стал переживать, что теряет уважение близких. Он редко рассказывал о тревоге, всё чаще замыкался и раздражался по мелочам. Елена замечала изменения, но не понимала, насколько серьёзным стало его состояние.

После тяжёлого периода Александр пережил суицидальную попытку и получил медицинскую помощь. Для Елены произошедшее стало потрясением. Она много раз прокручивала в голове последние месяцы и вспоминала, как муж отказывался от встреч, говорил о собственной ненужности и перестал строить планы.

Елена была уверена, что должна была понять всё раньше. Она вспоминала, как однажды сказала Александру, что он слишком много переживает из-за работы, и думала, что эти слова могли усилить его чувство вины. Ей казалось, что если бы она была внимательнее, то смогла бы предотвратить

кризис.

После возвращения Александра домой Елена решила, что теперь должна сделать всё возможное, чтобы подобное никогда не повторилось. Она читала материалы о суицидальном поведении, старалась запоминать признаки ухудшения и внимательно следила за настроением мужа.

Поначалу она помогала ему с повседневными делами, сопровождала на консультации и старалась создать более спокойную обстановку. Она искренне хотела, чтобы Александр восстановился, и готова была временно изменить семейный распорядок ради его состояния.

Но постепенно страх стал определять почти всё её поведение. Елена регулярно спрашивала Александра, как он себя чувствует, замечала любое изменение интонации и тревожилась, если он долго молчал. Когда муж хотел побыть один, она боялась оставить его без внимания. Если он не отвечал на сообщение, Елена представляла худший исход и звонила снова и снова.

Она начала отменять встречи с подругами и реже выходить из дома. Ей казалось неправильным заниматься собственными делами, пока муж восстанавливается. Ночью Елена просыпалась, прислушивалась к происходящему в квартире и проверяла телефон, даже если никаких конкретных признаков ухудшения не было.

Александр замечал её страх. Сначала он старался отвечать на все вопросы и убеждать жену, что с ним всё нормаль-

но. Но постепенно стал чувствовать, что каждое проявление усталости вызывает тревогу. Если он говорил, что ему грустно, Елена немедленно спрашивала, не вернулись ли мысли о смерти. Если раздражался, она начинала выяснять, не стало ли ему хуже.

Елена не хотела давить на мужа. Ей казалось, что она выполняет единственную доступную задачу — следит за его состоянием. Но Александр начал скрывать некоторые переживания, потому что не хотел снова видеть её испуганной.

Однажды вечером он вернулся домой после непростого разговора на работе. Он был усталым и раздражённым, но не хотел немедленно обсуждать произошедшее. Елена заметила, что он молчит, и спросила, что случилось. Александр ответил, что просто хочет немного побыть в тишине.

Елена испугалась. Она напомнила ему, что после всего произошедшего они договорились говорить о проблемах, и потребовала объяснить, что он скрывает. Александр почувствовал, что ему не оставляют пространства для обычной усталости. Он резко ответил, что больше не может постоянно отчитываться за каждое настроение.

Елена расплакалась и сказала, что делает всё ради него, а он не замечает её стараний. Она призналась, что боится даже ненадолго выйти из дома, потому что не может избавиться от мысли, что с мужем снова что-то случится.

После этого разговора оба почувствовали себя ещё хуже. Елена считала, что Александр отвергает её заботу, а Алек-

сандр испытывал вину за то, что причиняет жене дополнительные страдания. При этом никто из них не хотел ухудшения отношений. Они оба пытались защитить друг друга, но страх и чувство ответственности мешали им разговаривать спокойно.

Через некоторое время на консультации с семейным специалистом Елена рассказала, насколько сильно боится повторения кризиса. Она призналась, что постоянно пытается предугадать настроение мужа и не может расслабиться, даже когда он выглядит спокойным.

Специалист помог им рассмотреть, как страх влияет на отношения. Елена поняла, что пытается уменьшить собственную тревогу, получая от Александра постоянные заверения. Но эти заверения давали ей лишь кратковременное облегчение. Через некоторое время страх возвращался, и ей снова требовалось подтверждение, что всё хорошо.

Александр, со своей стороны, признал, что начал скрывать тяжёлые чувства, чтобы не напугать жену. Он боялся, что если скажет о грусти или тревоге, то любой разговор закончится усиленным контролем. Это затрудняло своевременное обращение за поддержкой.

Вместе они стали обсуждать другой формат общения. Им было важно отличать обычные эмоциональные колебания от ситуаций, требующих немедленного внимания. Они договорились, что Александр будет по возможности прямо сообщать об усилении опасных мыслей, а Елена постарается за-

давать вопросы без обвинений и не требовать постоянных заверений, если нет оснований считать ситуацию непосредственной угрозой.

При этом они не пытались решить вопрос безопасности только семейным соглашением. Александр продолжал профессиональное лечение, а с соответствующим специалистом они обсуждали, какие изменения требуют срочной реакции и как действовать в случае ухудшения состояния.

Когда возникла ситуация, в которой Александр снова сообщил о суицидальных мыслях, они не стали полагаться исключительно на домашние договорённости. Они оценили непосредственную безопасность и связались с профессиональной помощью. Если бы Александр не был уверен, что может оставаться в безопасности, они были готовы обратиться за экстренным вмешательством.

Постепенно Елена начала возвращать в жизнь собственные дела. Она восстановила общение с подругами, стала выделять время на отдых и признала, что её тревога тоже требует внимания. Это не означало, что она перестала беспокоиться о муже. Она училась жить с тем, что не может гарантировать отсутствие всех будущих трудностей, но может участвовать в создании системы поддержки.

Александр тоже стал постепенно восстанавливать самостоятельность. Он продолжал лечение, учился рассказывать о переживаниях до того, как они становились невыносимыми, и разбирался в причинах, из-за которых связывал про-

фессиональные трудности с собственной ценностью.

Их отношения не вернулись мгновенно к прежнему состоянию. Оба продолжали иногда тревожиться, раздражаться и бояться повторения кризиса. Но постепенно они перестали считать, что один должен постоянно контролировать другого, а второй обязан демонстрировать благополучие, чтобы не усиливать чужую тревогу.

Вместо этого они учились обсуждать реальные потребности, обращаться за помощью и распределять ответственность между собой и специалистами. Елена могла оставаться заботливой женой, не отказываясь от всей собственной жизни. Александр мог принимать поддержку, не воспринимая каждую свою эмоцию как доказательство того, что он снова становится опасным для себя.

Что показывает эта история

Елена начала контролировать состояние мужа из страха его потерять. Её действия не были проявлением равнодушия или желания подчинить Александра. Но постоянные проверки постепенно стали усиливать напряжение в отношениях и затруднять честный разговор.

Александр, в свою очередь, скрывал переживания, чтобы защитить жену от страха. В результате она получала меньше достоверной информации о его состоянии, а он оставался с трудными мыслями в одиночестве.

Изменения стали возможны, когда супруги начали открыто обсуждать не только кризис Александра, но и влияние страха на отношения. Они признали, что оба нуждаются в поддержке, но ответственность за безопасность нельзя свести к постоянному контролю со стороны жены.

При этом семейные договорённости не заменяли профессиональное лечение. В ситуации повторного появления суицидальных мыслей они ориентировались на непосредственную безопасность и обращались за помощью, а не пытались решить всё исключительно собственными силами.

Эта история показывает, что более уважительная поддержка не означает отказ от заботы. Она предполагает более ясные границы, открытый разговор, совместное планирование и признание ограничений каждого участника.

Как поддерживать без постоянного контроля

Перестроить привычный способ заботы бывает трудно. Человек может понимать, что постоянные проверки усиливают напряжение, но всё равно испытывать сильный страх, когда близкий замолкает или выглядит подавленным.

Не требуется немедленно избавиться от тревоги. Полезнее постепенно менять действия, которые она определяет. Вместо того чтобы автоматически задавать один и тот же вопрос, можно обратить внимание на контекст: что именно произошло, какие договорённости существуют и есть ли реальные основания подозревать непосредственную опасность.

Если близкий просто устал после рабочего дня и не демонстрирует других тревожных признаков, не всегда необходимо немедленно выяснять все подробности его состояния. Можно спросить, хочет ли он поговорить сейчас или предпочитает вернуться к разговору позже.

Если же он говорит о суицидальных мыслях, выражает безнадёжность или сообщает, что не уверен в своей безопасности, важно не откладывать разговор и выяснить, какая помощь необходима.

Смысл не в том, чтобы перестать задавать вопросы. Он заключается в том, чтобы задавать их для понимания ситу-

ации, а не только ради кратковременного облегчения собственной тревоги.

Полезно также заранее договариваться о способах общения. Например, можно обсудить, как человек сообщит, что ему стало хуже, к кому он обратится и что близкие могут сделать в такой ситуации. Конкретные договорённости позволяют действовать последовательнее и уменьшают необходимость постоянно пытаться читать мысли друг друга.

При этом договорённости должны быть реалистичными. Нельзя требовать от человека гарантировать, что он никогда больше не испытает суицидальных мыслей. Можно договориться, что при их усилении он постарается сообщить об этом и обратиться за помощью, а близкие помогут организовать поддержку. Но если непосредственная опасность уже существует, необходимо действовать срочно, не полагаясь на обещания.

Как говорить о возвращении тяжёлых мыслей

Один из самых важных аспектов поддержки — возможность говорить о повторном ухудшении без страха, что близкие разочаруются или обвинят человека в неблагодарности.

Если после кризиса человек говорит, что снова думает о смерти, не следует отвечать: «Но ведь мы уже через это прошли», «Ты обещал, что всё будет иначе» или «Почему ты опять возвращаешься к этому?»

Такие фразы могут усиливать чувство вины и побуждать человека скрывать своё состояние. Ему может показаться, что теперь он обязан поддерживать близких в спокойствии, даже если сам снова нуждается в помощи.

Лучше сказать: «Спасибо, что рассказал. Я понимаю, что тебе снова тяжело. Давай выясним, насколько ты сейчас в безопасности и что поможет получить необходимую поддержку».

Затем важно уточнить, есть ли непосредственная опасность, возникает ли намерение действовать и чувствует ли человек, что способен оставаться в безопасности. Если он не уверен в собственной безопасности, необходимо обратиться за срочной помощью. При непосредственной угрозе жизни следует связаться с местной экстренной службой или обратиться в ближайшее отделение неотложной помощи.

Если мысли о смерти возвращаются, но человек не сообщает о непосредственном намерении действовать, это всё равно требует внимания. Необходимо помочь ему связаться с лечащим специалистом и обсудить, что изменилось, какие симптомы усилились и следует ли корректировать дальнейшую помощь.

Важно не воспринимать возвращение мыслей как доказательство того, что предыдущая работа была бесполезной. Иногда состояние меняется, появляются новые стрессовые обстоятельства или прежних способов поддержки становится недостаточно. Это означает, что план помощи нуждается в пересмотре, а не в наказании человека.

Как сохранить уважение к самостоятельности

После суицидального кризиса человек может чувствовать себя особенно уязвимым. Ему трудно переносить неопределённость, возвращаться к привычным задачам и одновременно сталкиваться с тревогой окружающих. Если близкие начинают решать за него все вопросы, он может ощущать, что потерял право самостоятельно принимать решения.

Иногда родственники делают это из благих намерений. Они хотят уменьшить нагрузку, защитить человека от стресса и предотвратить возможные ошибки. Но если помощь не учитывает его потребности, она способна усиливать зависимость и чувство собственной беспомощности.

Полезно спрашивать, что человек может и хочет делать самостоятельно, а в чём ему действительно требуется помощь. Можно предложить несколько вариантов, обсудить их и позволить ему участвовать в принятии решений настолько, насколько это соответствует состоянию и безопасности.

Например, вместо того чтобы самостоятельно отменять все его рабочие планы, можно обсудить, какая нагрузка сейчас допустима и какие рекомендации дал специалист. Вместо полного отказа от самостоятельных выходов из дома можно совместно рассмотреть, какие условия будут безопасными и какие ограничения действительно необходимы.

При этом нельзя игнорировать медицинские рекомендации или непосредственную угрозу жизни ради сохранения видимости самостоятельности. Если человек не способен сохранять безопасность, требуется профессиональное вмешательство. Но когда непосредственная опасность миновала, важно не превращать временную потребность в помощи в постоянное лишение человека права участвовать в собственной жизни.

Уважение к самостоятельности не означает безразличия. Оно предполагает, что человек остаётся участником восстановления, может выражать предпочтения и постепенно возвращает себе доступные ему роли и обязанности.

Как поддерживать и одновременно заботиться о себе

Близкому человеку полезно регулярно задавать себе несколько вопросов: достаточно ли я сплю? Есть ли у меня возможность отдыхать? Могу ли я говорить с кем-то о собственном страхе? Не пытаюсь ли я выполнять задачи, которые требуют участия специалистов? Не стало ли моё общение с близким полностью сосредоточено на проверке его состояния?

Если ответы показывают, что сил становится всё меньше, важно не считать это недостатком любви. Скорее, это сигнал, что систему поддержки необходимо изменить.

Иногда можно распределить обязанности между другими родственниками. Иногда стоит договориться о помощи с бытовыми делами, найти доступные консультации или обратиться за психологической поддержкой самому. Если ты постоянно находишься в тревоге и боишься оставлять близкого одного даже при отсутствии непосредственной опасности, полезно обсудить эти переживания со специалистом.

Важно также сохранять хотя бы некоторые привычные занятия: работу, дружбу, прогулки, физическую активность, творчество или время в одиночестве. Не нужно полностью отказываться от собственной жизни в знак преданности человеку.

Разумеется, обстоятельства бывают разными. Иногда после попытки близкий действительно нуждается в интенсивной помощи, и привычный распорядок временно меняется. Но даже тогда важно стремиться к тому, чтобы поддержка была организована совместно с профессионалами и не зависела исключительно от ресурсов одного человека.

Если ты чувствуешь, что эмоционально истощён, можно признать это без обвинения близкого: «Я очень переживаю за тебя и хочу помогать, но сам начал сильно уставать. Нам нужно найти дополнительную поддержку, чтобы мы оба могли справляться».

Подобный разговор не обесценивает страдание человека. Он показывает, что помощь должна быть устойчивой и учитывать потребности всех участников.

Если отношения до кризиса были болезненными

Иногда человек переживает суицидальный кризис на фоне тяжёлых семейных или романтических отношений. После попытки партнёр или родственник может испытывать сильную вину и стремиться полностью изменить своё поведение. В других случаях, напротив, отношения продолжают оставаться конфликтными, и один из участников считает, что теперь должен терпеть любые обстоятельства, потому что близкий пережил серьёзный кризис.

Но суицидальная попытка не означает, что все прежние конфликты исчезают или что один человек больше не вправе обозначать границы. Она также не даёт основания использовать угрозу самоубийства для принуждения другого к определённому поведению.

Если человек говорит: «Если ты уйдёшь, я покончу с собой», такую угрозу необходимо воспринимать серьёзно с точки зрения безопасности, но нельзя автоматически считать, что партнёр обязан остаться в отношениях или выполнить все требования. Следует сообщить о непосредственной опасности, привлечь профессиональную помощь и при необходимости связаться с экстренной службой.

Человек, которому угрожают самоубийством со стороны партнёра, не должен единолично брать на себя ответствен-

ность за его жизнь. Можно выражать заботу, помогать обратиться к специалистам и сообщать о риске, не отказываясь при этом от права на собственную безопасность.

Если в отношениях присутствуют физическое насилие, угрозы или принуждение, важно искать безопасные способы защиты и обращаться за соответствующей помощью. Не следует оставаться в опасной ситуации только потому, что есть страх, что уход или установление границ ухудшат состояние другого.

В то же время не нужно автоматически считать, что всякая суицидальная фраза является манипуляцией. Намерения и переживания человека нельзя достоверно определить только по одной реплике. Необходимо серьёзно отнестись к угрозе, уточнить непосредственную безопасность и привлечь подходящую помощь.

Задача состоит не в том, чтобы выбирать между заботой о человеке и собственными границами. Можно признавать тяжесть его страдания, не соглашаясь на небезопасные или принудительные отношения. И можно поддерживать другого, не принимая на себя ответственность за каждое его решение.

Как говорить с детьми и другими членами семьи

Если в семье есть дети, после суицидального кризиса взрослые могут пытаться скрыть от них всё произошедшее. Иногда они объясняют отсутствие родителя болезнью или другими обстоятельствами, опасаясь, что правда напугает ребёнка.

При этом дети могут замечать изменения в поведении взрослых, слышать разговоры, чувствовать напряжение в семье и делать собственные выводы. Если никто ничего не объясняет, ребёнок может решить, что он виноват, или начать фантазировать о причинах происходящего.

Разговор с ребёнком должен соответствовать его возрасту и способности понимать информацию. Необязательно сообщать все подробности произошедшего. Важно объяснить, что близкий переживал очень тяжёлое состояние и теперь получает помощь. Не следует делать ребёнка ответственным за безопасность взрослого, требовать постоянного наблюдения или просить его хранить тяжёлую тайну.

Можно сказать: «Сейчас взрослому человеку нужна помощь врачей и близких. Ты не виноват в том, что произошло, и тебе не нужно самому решать эту проблему. Если ты переживаешь или у тебя есть вопросы, ты можешь поговорить со мной».

Важно также учитывать потребности других членов семьи. Родители, супруги, братья и сёстры могут испытывать разные чувства и по-разному понимать произошедшее. Кто-то хочет говорить, кто-то предпочитает молчать, кто-то испытывает гнев или страх. Не нужно требовать от всех одинаковой реакции.

Если семейное напряжение сохраняется, можно рассмотреть возможность консультации специалиста, который поможет организовать разговоры и определить подходящие формы поддержки.

Восстановление отношений — это не возвращение к прежнему порядку любой ценой

После суицидального кризиса семья иногда стремится как можно быстрее вернуть прежнюю жизнь. Близким хочется перестать бояться, а самому человеку — забыть произошедшее. Кажется, что если все начнут вести себя как раньше, значит, опасность миновала.

Но иногда полезнее не возвращать всё в исходное состояние, а понять, какие стороны прежней жизни требовали изменений. Возможно, в семье давно не было открытых разговоров о переживаниях. Возможно, один человек постоянно нёс чрезмерную нагрузку, а другие не замечали его истощения. Возможно, страх конфликтов заставлял всех молчать о проблемах до тех пор, пока напряжение не становилось невыносимым.

Восстановление отношений может включать более ясное распределение обязанностей, возможность обсуждать трудности без унижения, уважение к личным границам и готовность обращаться за помощью раньше. Иногда полезна семейная терапия, если люди хотят и могут участвовать в ней безопасно.

Не стоит требовать от человека после попытки немедлен-

но простить всех, забыть прошлые конфликты или снова доверять окружающим. Доверие восстанавливается постепенно и зависит от реальных изменений в отношениях.

Точно так же близкому, который испытывает страх или гнев, не нужно запрещать себе эти чувства. Важно учиться выражать их таким образом, чтобы разговор помогал понять происходящее, а не становился новым источником обвинений.

При этом восстановление отношений не заменяет индивидуального лечения. Даже если семья становится более поддерживающей, человеку может продолжать требоваться медицинская помощь или психотерапия. И наоборот, улучшение психического состояния одного человека не означает, что семейные конфликты исчезнут автоматически.

Более устойчивый путь предполагает внимание к обеим сторонам: состоянию человека после кризиса и условиям отношений, которые могут влиять на его благополучие.

Что делать, если близкий не хочет обсуждать произошедшее

Иногда человек после кризиса говорит, что не желает возвращаться к теме суицидальной попытки. Он может считать, что всё уже произошло и обсуждение только усиливает стыд. Близким же хочется получить объяснение, понять, почему это случилось, и убедиться, что такое больше не повторится.

Необходимо учитывать обе стороны. Человек имеет право не рассказывать все подробности сразу, особенно если разговор вызывает сильное напряжение. Но если сохраняется риск для жизни, молчание не должно становиться основанием для отказа от необходимой помощи.

Можно сказать: «Я не буду заставлять тебя рассказывать всё, к чему ты пока не готов. Но мне важно понимать, насколько ты сейчас в безопасности и есть ли помощь, к которой ты можешь обратиться, если станет хуже».

Если непосредственной опасности нет, можно предложить вернуться к разговору позже или обсудить произошедшее со специалистом. Не нужно требовать, чтобы близкий объяснил все причины кризиса именно тебе. Иногда легче сначала рассказать о переживаниях независимому профессионалу.

Если мысли о смерти возвращаются, важно помочь человеку обратиться к специалисту и выяснить, какая поддерж-

ка необходима. Если он не уверен в собственной безопасности или сообщает о намерении действовать, необходимо обращаться за экстренной помощью.

Близким также полезно принять, что отсутствие полного объяснения не всегда означает отсутствие доверия. Человек может сам не понимать, что с ним происходило, или не иметь пока слов для описания пережитого. Понимание иногда приходит постепенно.

Цель общения не в том, чтобы заставить человека дать исчерпывающий отчёт, а в том, чтобы обеспечить безопасность и создать условия, в которых он сможет говорить о трудностях без осуждения.

Поддержка, в которой есть место обеим сторонам

Забота о человеке после суицидального кризиса требует участия, терпения и готовности действовать в сложных ситуациях. Но она не должна превращать близкого в человека, который обязан постоянно контролировать каждую мысль другого.

Страх может побуждать к гиперконтролю, а чувство вины — к отказу от собственных потребностей. В результате тот, кто помогает, истощается, а человек, которому помогают, начинает чувствовать себя обузой и скрывать переживания. Именно поэтому важно не только сохранять внимание к безопасности, но и строить более уважительные отношения.

Полезная поддержка предполагает несколько принципов. Нужно внимательно относиться к словам человека, особенно если он говорит о смерти или безнадёжности. Не следует усиливать стыд обвинениями, требованиями благодарности или обещаниями, которые невозможно гарантировать. Важно прямо спрашивать о безопасности, помогать обращаться к специалистам и заранее обсуждать действия при ухудшении состояния.

При непосредственной угрозе жизни необходимо обращаться за экстренной помощью. Нельзя полагаться только на семейные договорённости или личное обещание человека.

При повторяющихся суицидальных мыслях важно организовать профессиональную оценку и дальнейшую поддержку.

Но одновременно необходимо признавать границы возможностей близких. Ты можешь быть внимательным, заботливым и ответственным, не гарантируя, что никогда не пропустишь тревожный сигнал. Ты можешь поддерживать другого, не отказываясь от всех собственных потребностей. Ты можешь любить человека и при этом признавать, что для обеспечения безопасности требуется помощь специалистов и других людей.

Если ты сам переживаешь кризис, важно помнить, что близкие могут испытывать страх и растерянность, но ты не обязан скрывать свои чувства только ради того, чтобы не расстраивать их. Тебе необходимо иметь возможность говорить о возвращении тяжёлых мыслей и получать профессиональную помощь, когда она нужна.

Если ты поддерживаешь близкого, не требуй от себя идеальных слов и абсолютного контроля. Не нужно каждый день доказывать, что ты сделал всё возможное. Гораздо важнее знать, как реагировать на реальные признаки ухудшения, к кому обращаться и какие действия обеспечат безопасность.

Восстановление становится устойчивее, когда забота не строится на постоянном страхе, а отношения позволяют говорить о трудностях без унижения. В такой системе человеку не требуется изображать благополучие, чтобы защитить чувства окружающих, а близкому не приходится в одиночку

нести ответственность за всё происходящее.

Поддержка — это не обещание, что боль никогда не вернётся. Это готовность замечать изменения, разговаривать честно, уважать границы и вместе искать доступную помощь, когда она необходима.

В следующей главе мы рассмотрим суицидальные мысли у подростков: почему взрослым бывает трудно заметить серьёзность переживаний ребёнка, как отличать обычные возрастные трудности от изменений, требующих внимания, и как разговаривать с подростком без унижения, угроз и поспешных выводов. Отдельно обсудим, почему важно не перекладывать на ребёнка ответственность за собственную безопасность и когда необходимо незамедлительно привлекать профессиональную помощь.

ГЛАВА 26

СУИЦИДАЛЬНЫЕ МЫСЛИ У ПОДРОСТКОВ: КАК РАСПОЗНАТЬ КРИЗИС И ПОМОЧЬ

ВНИМАНИЕ, ПОНИМАНИЕ И СВОЕВРЕМЕННАЯ ПОМОЩЬ МОГУТ СПАСТИ ЖИЗНЬ

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Постоянная грусть, раздражительность, резкие перепады настроения, утрата интереса к любимым занятиям, ощущение пустоты, высказывания о бессмысленности жизни.

ТРАВЛЯ И КОНФЛИКТЫ

Буллинг в школе или в интернете, конфликты со сверстниками, чувство одиночества, отвержения и непонимания. Постоянные сравнения с другими могут сильно снижать самооценку.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Кибербуллинг, негативные комментарии, идеализированные образы, стремление соответствовать ожиданиям, зависимость от лайков. Просмотр контента о самоповреждении и суициде может усиливать риск.

СЕМЕЙНЫЕ ТРУДНОСТИ

Частые ссоры, развод родителей, отсутствие поддержки, завышенные требования, критика или равнодушие. Даже благополучные на вид семьи могут незаметно создавать сильный стресс для подростка.

ПРОБЛЕМЫ С САМООЦЕНКОЙ

Чувство, что «я никому не нужен», «я всё делаю неправильно», перфекционизм, страх не оправдать ожидания, трудности с принятием своего тела, поиск своего места и идентичности.

ТРЕВОЖНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОВЕДЕНИЯ

Разговоры о смерти, поиск способов причинить себе вред, раздача ценных вещей, резкое отдаление от близких, рискованные поступки, самоповреждения, снижение успеваемости, нарушения сна и аппетита.

БЫТЬ РЯДОМ И СЛУШАТЬ

Покажите, что вы готовы выслушать без осуждения. Дайте подростку возможность говорить о своих чувствах. Перебивать, спорить и обесценивать не стоит. Важно принимать его переживания всерьёз.

ГОВОРИТЬ СПОКОЙНО И УВАЖИТЕЛЬНО

Используйте простые и честные фразы. Интересуйтесь, что он чувствует, и задавайте прямые вопросы, если есть тревога. Избегайте угроз, унижения и давления.

СОЗДАВАТЬ БЕЗОПАСНУЮ СРЕДУ

Постарайтесь ограничить доступ к потенциально опасным предметам, следите за онлайн-активностью, обратите внимание на круг общения. Важно не превращать это в тотальный контроль, а объяснять свою заботу.

ПРИВЛЕЧЬ СПЕЦИАЛИСТОВ

При устойчивых тревожных признаках обратитесь к школьному психологу, психотерапевту или психиатру. Специалисты помогут разобраться в причинах, подобрать подходящую помощь и снизить риск кризиса.

ПОДДЕРЖИВАТЬ САМООЦЕНКУ И ИНТЕРЕС К ЖИЗНИ

Замечайте сильные стороны, поддерживайте увлечения, помогайте ставить реалистичные цели. Важно, чтобы подросток чувствовал свою ценность, видел возможности для развития и получал положительный опыт.

НЕ ОБЕЩАТЬ ХРАНИТЬ ВСЁ В ТАЙНЕ

Если есть реальная угроза жизни или здоровью, нельзя ограничиваться обещанием никому не рассказывать. Объясните подростку, что вы сообщите взрослым или специалистам, потому что его безопасность — приоритет.

ПРИМЕР РАЗГОВОРА, КОТОРЫЙ УСИЛИВАЕТ КРИЗИС

Такие фразы могут усиливать чувство вины, стыда, одиночества и заставляют подростка замыкаться.

ПРИМЕР ПОДДЕРЖИВАЮЩЕГО РАЗГОВОРА

Спокойный, уважительный разговор помогает снизить тревогу, укрепить доверие и найти дальнейшие решения.

ПОДДЕРЖКА, ВНИМАНИЕ И СВОЕВРЕМЕННАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ МОГУТ СПАСТИ ЖИЗНЬ ПОДРОСТКА.

Глава 26. Суицидальные мысли у подростков: как распознать кризис и помочь

Подростковый возраст — время серьёзных перемен. Человек постепенно отделяется от семьи, ищет собственную идентичность, пытается понять, кем хочет стать, какое место занимает среди сверстников и чего стоит в глазах окружающих. Ему приходится одновременно справляться с изменениями тела, взрослением, учебными требованиями, первыми близкими отношениями и стремлением к самостоятельности. Всё это происходит в период, когда жизненный опыт ещё ограничен, а эмоциональные переживания иногда ощущаются особенно остро.

Подросток может казаться взрослым в одних ситуациях и совершенно беспомощным в других. Он способен рассуждать о сложных вопросах, принимать ответственные решения, но при сильном стрессе ему бывает трудно увидеть несколько вариантов выхода из проблемы. Неудача, которую взрослый воспринимает как временную трудность, подростку иногда представляется доказательством собственной несостоятельности или концом привычной жизни.

Это не означает, что подростки обязательно не умеют справляться с трудностями или что любые эмоциональ-

ные колебания свидетельствуют о психологическом кризисе. Подростковый возраст сам по себе не является заболеванием, а перемены настроения, стремление к уединению и желание иметь личное пространство не обязательно говорят о неблагополучии. Однако, если к обычным возрастным переживаниям добавляются травля, унижение, депрессия, семейное насилие, тяжёлые конфликты, социальная изоляция или ощущение полной безысходности, риск серьёзного кризиса может возрастать.

Суицидальные мысли у подростка требуют внимания не потому, что он недостаточно взрослый, чтобы понимать свои чувства, а потому, что его страдание может быть сильным, а возможности самостоятельно получить помощь — ограниченными. Задача взрослых состоит не в том, чтобы обесценить переживания, напугать наказанием или немедленно восстановить контроль над каждым поступком. В первую очередь необходимо понять, что происходит, обеспечить безопасность и помочь подростку получить поддержку.

Почему подростковые переживания могут становиться настолько тяжёлыми

Одной из важных особенностей подросткового возраста является возрастающая значимость отношений со сверстниками. Принадлежность к группе, принятие, дружба и первая романтическая привязанность могут приобретать огромное значение. Если подростка отвергают, высмеивают или исключают из привычного круга общения, он может переживать это не как отдельный неприятный эпизод, а как потерю своего места в мире.

Взрослый способен напомнить себе, что у него есть работа, семья, другие знакомые и опыт преодоления трудностей. Подросток может ещё не иметь такого разнообразия отношений и жизненных опор. Его повседневная реальность часто ограничена домом, школой, кружками и интернетом. Если одновременно рушатся отношения со сверстниками и ухудшается атмосфера в семье, может возникнуть ощущение, что укрыться негде.

Особенно разрушительной бывает травля. Она может включать не только физическую агрессию или прямые оскорбления, но и намеренное исключение из общения, унизительные прозвища, распространение слухов, публичное

высмеивание внешности, способностей, происхождения или особенностей поведения. Иногда травля принимает форму коллективного молчания: окружающие делают вид, что подростка не существует, отказываются садиться рядом или демонстративно не отвечают на его слова.

Кибербуллинг усложняет ситуацию тем, что унижение может продолжаться после окончания уроков. Сообщения, фотографии, насмешки и комментарии способны распространяться среди большого количества людей, а подросток может опасаться, что любое новое появление в сети снова приведёт к оскорблениям. Даже находясь дома, он не всегда чувствует себя в безопасности.

При этом взрослые порой недооценивают происходящее, считая подобные конфликты обычной частью школьной жизни. Фразы «не обращай внимания», «сам виноват», «просто дай сдачи» или «скоро все забудут» могут усилить одиночество. Подросток слышит не столько совет, сколько сомнение в серьёзности его переживаний. Если он и без того боится показаться слабым, то после такой реакции ему может стать ещё труднее обращаться за помощью.

Не менее значимой является семейная среда. Постоянные ссоры, унижения, чрезмерные требования, физическое насилие, эмоциональная холодность или непредсказуемое поведение взрослых способны лишать подростка чувства устойчивости. Иногда родители искренне желают ребёнку добра, но выражают тревогу через критику, сравнения и дав-

ление: требуют высоких оценок, осуждают внешность, высмеивают друзей или не позволяют говорить о собственных чувствах.

Если любовь в семье воспринимается как награда за успехи, подросток может начать считать, что право на уважение необходимо постоянно заслуживать. Ошибка превращается в угрозу отношениям, а плохая оценка — в подтверждение мысли, что он разочаровал близких. При этом внешне ребёнок может продолжать хорошо учиться, выполнять поручения и поддерживать привычный порядок. Его старания не всегда означают, что он чувствует себя благополучно.

Свою роль играет и самооценка. Подросток может болезненно сравнивать себя с одноклассниками, переживать из-за внешности, веса, особенностей речи, успеваемости, материального положения семьи или отсутствия романтических отношений. Социальные сети усиливают доступность таких сравнений: человек видит отобранные фотографии, достижения и счастливые моменты других людей, но редко знает, что скрывается за этой внешней картиной.

Если подросток уже склонен к самокритике, он может использовать чужие публикации как подтверждение собственной неполноценности. Ему начинает казаться, что остальные интересны, красивы и востребованы, а он один не соответствует ожиданиям. В результате обыкновенные человеческие различия превращаются в жёсткую внутреннюю оценку.

Нельзя забывать и об учебной нагрузке. Экзамены, страх не оправдать ожидания, конфликты с учителями, необходимость определиться с будущей профессией и опасение разочаровать родителей могут накапливаться месяцами. Иногда подросток одновременно переживает несколько трудностей, каждая из которых по отдельности могла бы показаться преодолимой. Но на фоне бессонницы, постоянной тревоги и отсутствия поддержки даже небольшое новое событие становится последней каплей.

При этом суицидальный кризис не всегда можно объяснить одной конкретной причиной. Два подростка, столкнувшиеся с похожими обстоятельствами, могут реагировать совершенно по-разному. И наоборот, за внешне благополучной жизнью может скрываться тяжёлое страдание, о котором взрослые ничего не знают. Поэтому важно не искать единственное объяснение, а внимательно относиться к изменениям в состоянии конкретного человека.

Почему подросток может скрывать свои мысли

Молчание не обязательно означает, что подросток не доверяет родителям или не нуждается в помощи. Иногда он просто не знает, как рассказать о происходящем. Переживания могут казаться слишком запутанными, противоречивыми или постыдными. Ребёнок может одновременно любить близких и злиться на них, хотеть поддержки и бояться вопросов, нуждаться в защите и опасаться, что после откровенного разговора потеряет самостоятельность.

Многие подростки опасаются не только осуждения, но и последствий откровенности. Они могут бояться, что родители отберут телефон, запретят общаться с друзьями, начнут проверять каждое сообщение, заставят перейти в другую школу или будут постоянно расспрашивать о мыслях и настроении. Некоторые опасаются психиатрической помощи из-за стереотипов и страха, что окружающие узнают об их состоянии.

Если в семье принято высмеивать слёзы и называть уязвимость слабостью, подросток может научиться маскировать переживания. Он шутит, спорит, демонстрирует безразличие или резко реагирует на обычные вопросы. Иногда раздражительность становится заметнее, чем печаль. За внешней грубостью может скрываться тревога, стыд, страх быть

отвергнутым или ощущение, что никто не способен понять происходящее.

Однако не следует считать, что любое вызывающее поведение обязательно означает скрытую депрессию. Изменения необходимо оценивать в контексте: насколько они отличаются от привычного поведения подростка, как долго сохраняются, затрагивают ли сон, питание, учёбу, общение и способность заниматься повседневными делами.

Особого внимания требуют высказывания о собственной ненужности, безнадёжности, желании исчезнуть или невозможности продолжать жить. Подросток может прямо говорить о смерти, а может выражать переживания косвенно: утверждать, что всем было бы легче без него, что будущее не имеет значения или что исправить уже ничего нельзя. Отдельная фраза не позволяет точно определить степень опасности, но её нельзя автоматически списывать на драматизацию.

Важно также помнить, что подростки не всегда способны самостоятельно объяснить своё состояние. Иногда они замечают лишь усталость, раздражение, потерю интереса к привычным занятиям или желание изолироваться. Слова для более глубоких переживаний могут появиться только в доверительном разговоре.

Какие изменения должны насторожить взрослых

Взрослым стоит обращать внимание не на один отдельный признак, а на сочетание изменений и их продолжительность. Например, подросток, который раньше общался с друзьями, стал избегать встреч, перестал заниматься любимым делом, хуже спит, постоянно обвиняет себя и говорит, что ничего хорошего впереди не будет. Другой подросток может, напротив, продолжать ходить в школу и улыбаться окружающим, но при этом переживать сильную внутреннюю боль.

Важными сигналами могут быть выраженная изоляция, заметное снижение интереса к прежним занятиям, ухудшение сна и аппетита, стойкая раздражительность, резкое изменение успеваемости, постоянное чувство вины, разговоры о безысходности и необычная рискованность поведения. Следует серьёзно относиться к сообщениям о травле, насилии, угрозах со стороны сверстников или ощущении, что дома невозможно получить защиту.

Особенно важно реагировать на прямые высказывания о самоубийстве, желание умереть или невозможность оставаться в безопасности. Не нужно требовать от подростка доказательств страдания и ждать, пока изменения станут очевидны для всех. Лучше спокойно спросить, что происходит, чем делать вид, что ничего не замечено.

При этом нельзя превращать наблюдение в постоянный допрос. Подростку важно сохранять личное пространство, иметь возможность общаться с друзьями и самостоятельно принимать подходящие возрасту решения. Контроль, при котором взрослые бесконечно проверяют переписки, требуют отчётов о каждом движении и воспринимают любое молчание как угрозу, может усилить недоверие. Поддержка должна быть соразмерна состоянию и риску, а её цель — не тотальное подчинение, а безопасность и восстановление связи.

Как начать разговор без унижения и угроз

Первый разговор не обязан быть идеальным. Главное — показать подростку, что взрослый готов выслушать правду, в том числе неприятную или пугающую. Для этого важно выбрать спокойное время, по возможности поговорить наедине и не начинать разговор во время скандала.

Можно сказать: «Я заметил, что в последнее время тебе очень тяжело. Ты стал меньше общаться и часто выглядишь уставшим. Я не хочу тебя ругать. Мне важно понять, что происходит». Такая фраза описывает наблюдение, а не выносит приговор. Она не требует от подростка немедленно признать, что у него проблемы, но открывает возможность рассказать о переживаниях.

Если подросток отвечает «ничего», это не обязательно означает, что разговор закончился. Иногда ему нужно время, чтобы убедиться в безопасности общения. Взрослый может спокойно продолжить: «Хорошо, я не буду заставлять тебя рассказывать всё прямо сейчас. Но я вижу, что ты, возможно, переживаешь трудный период. Я готов выслушать тебя, когда будешь готов говорить».

Если взрослый подозревает наличие суицидальных мыслей, лучше задать прямой вопрос: «У тебя бывают мысли о самоубийстве или о том, что ты не хочешь жить?» Сам по

себе прямой вопрос не следует считать способом внушить подростку такие мысли. Он помогает прояснить ситуацию и показывает, что о болезненных переживаниях можно говорить открыто.

Если подросток отвечает утвердительно, важно не начинать с обвинений и не пытаться немедленно убедить его, что он не прав. Можно сказать: «Спасибо, что рассказал. Похоже, тебе действительно очень тяжело. Я рад, что теперь знаю об этом. Давай подумаем, как сделать так, чтобы ты был в безопасности и получил помощь».

Необходимо спокойно выяснить, насколько непосредственна опасность. Есть ли мысли о самоубийстве сейчас? Боится ли подросток, что может причинить себе вред? Считает ли он, что способен оставаться в безопасности? Если ответы вызывают серьёзное беспокойство или подросток не может уверенно сказать, что останется в безопасности, требуется срочная профессиональная оценка. Не следует пытаться самостоятельно поставить диагноз или определять уровень риска по одному ответу.

Даже когда подросток отрицает суицидальные мысли, взрослому стоит продолжать поддерживать контакт, если другие признаки вызывают тревогу. Не всякий человек готов говорить сразу. Спокойный повторный разговор, помощь в решении конкретных проблем и возможность обратиться к другому надёжному взрослому могут постепенно уменьшить страх.

Чего не следует говорить

В состоянии кризиса подросток особенно чувствителен к унижению, угрозам и обесцениванию. Слова «у тебя нет настоящих проблем», «вот вырастешь — узнаешь, что такое жизнь», «не выдумывай», «у других всё гораздо хуже» не помогают увидеть ситуацию шире. Напротив, они могут укрепить убеждение, что его переживания никому не интересны.

Не стоит использовать чувство вины: «Ты подумал, что будет с нами, если тебя не станет?», «Ты разрушаешь нашу семью», «Как ты можешь так поступать с матерью?» Близкие могут произносить такие фразы из страха, но подросток способен воспринять их как доказательство собственной вредности и ненужности.

Угрозы наказанием тоже часто закрывают возможность доверительного разговора. Если подросток понимает, что признание в тяжёлых мыслях повлечёт скандал, запрет на общение или публичное унижение, он может научиться скрывать состояние ещё тщательнее. Особенно опасно наказывать ребёнка за признание в самоповреждении, суицидальных мыслях или пережитой травле.

Это не означает, что взрослым нужно соглашаться с любым поведением или отменять все правила. Безопасные границы сохраняют значение. Однако дисциплинарные вопросы следует отделять от помощи в кризисе. Сначала необхо-

димо понять, в безопасности ли подросток и что ему угрожает, а уже затем разбираться с нарушениями, конфликтами и ответственностью.

Также не стоит требовать немедленного объяснения: «Почему ты так думаешь?», «Что тебе ещё нужно?», «Назови хоть одну причину». Сам подросток может не знать ответа. Иногда суицидальные мысли возникают на фоне множества факторов, а не одного события. Вместо требования найти логичное объяснение полезнее признать реальность переживания и помочь получить поддержку.

Когда необходимо подключать специалистов

Профессиональная помощь нужна, если у подростка сохраняются выраженная подавленность или тревога, нарушается сон, исчезает интерес к жизни, ухудшается повседневное функционирование, он регулярно говорит о безнадёжности или сообщает о суицидальных мыслях. Начать можно с обращения к специалисту по психическому здоровью детей и подростков. В зависимости от ситуации помощь может включать консультацию психолога, психотерапевта, психиатра или врача, который оценит физическое состояние и поможет определить дальнейшие действия.

Обращение к психиатру не означает, что подростка обязательно будут лечить лекарствами или что его личность сведётся к диагнозу. Специалист оценивает симптомы, обстоятельства и уровень риска, а затем обсуждает подходящие варианты помощи. Важны не только индивидуальные встречи, но и работа с семейной обстановкой, школьными конфликтами, травлей и другими факторами, поддерживающими кризис.

Если причиной страдания является буллинг, нельзя ограничиваться советом подростку стать увереннее или научиться не реагировать. Необходимо разбираться с самой ситуацией: выяснять, что происходит в школе или интернете, при-

влекать ответственных взрослых, добиваться прекращения травли и обеспечивать защиту. При этом подростка не следует без предупреждения вынуждать к публичному разбирательству, которое может усилить унижение. План действий стоит обсуждать с ним настолько, насколько позволяет ситуация безопасности.

Если подросток столкнулся с насилием в семье, нельзя автоматически считать родителей безопасными людьми, к которым нужно обратиться за помощью. Следует найти другого надёжного взрослого, школьного специалиста, врача или соответствующую службу защиты детей. Главное — не оставлять подростка один на один с угрозой и не требовать от него самостоятельно урегулировать ситуацию с человеком, который причиняет вред.

При непосредственной угрозе самоубийства или невозможности обеспечить безопасность необходимо обращаться за экстренной медицинской помощью. В такой ситуации подростка нельзя оставлять одного в надежде, что он успокоится, и нельзя ограничиваться обещанием, что он больше не причинит себе вред. Нужно обеспечить безопасную обстановку, спокойно оставаться рядом, привлечь надёжного взрослого и связаться с экстренными службами или медицинской организацией. Если есть возможность сделать это безопасно, следует ограничить доступ к предметам и веществам, которыми подросток может причинить себе вред, не подвергая опасности себя или других.

Почему нельзя обещать хранить всё в тайне

Доверие — важная часть помощи, но оно не должно превращаться в обещание молчать при непосредственной угрозе жизни. Если подросток говорит: «Я расскажу, только пообещай, что никому не скажешь», взрослому следует честно обозначить границы конфиденциальности.

Можно ответить: «Я не буду рассказывать о твоих переживаниях всем подряд и не стану обсуждать их с посторонними. Но если я пойму, что твоя жизнь в опасности, мне придётся привлечь людей, которые помогут защитить тебя. Я постараюсь объяснять тебе каждый шаг и учитывать твоё мнение».

Такая позиция сохраняет уважение к подростку, не создавая ложных обещаний. Важно привлекать только тех людей, которые действительно необходимы для обеспечения безопасности, и не превращать кризис в предмет семейного обсуждения или школьных сплетен.

Если взрослый услышал признание о суицидальных мыслях, ему не следует самостоятельно нести всю ответственность за ситуацию. Учитель может сообщить о серьёзной угрозе ответственным специалистам в соответствии с установленными правилами. Родитель может связаться с врачом и другими надёжными взрослыми. Друг подростка может

выслушать его и помочь обратиться за поддержкой, но не должен становиться единственным хранителем секрета, от которого будто бы зависит чужая жизнь.

Особенно важно сказать об этом другим подросткам. Если друг признался в суицидальных мыслях и попросил никому не рассказывать, правильным поступком будет не предательство, а обращение к взрослому, способному помочь. Можно предложить сделать это вместе: написать родителю, подойти к школьному психологу, связаться с родственником или обратиться к врачу. Если опасность непосредственная, ждать согласия на привлечение помощи нельзя.

Как помочь подростку вернуть ощущение опоры

Во время кризиса не нужно требовать, чтобы подросток сразу исправил все проблемы. Большая цель — вновь начать учиться, помириться с родителями, обрести друзей, наладить самооценку и решить вопрос с будущей профессией — может казаться недостижимой. Полезнее вместе определить ближайший шаг: поесть, отдохнуть, поговорить с безопасным взрослым, записаться к специалисту или найти способ временно защититься от травли.

Поддержка также предполагает внимание к обычным потребностям. Регулярный сон, питание, физическая активность, отдых и предсказуемый распорядок могут помочь стабилизировать состояние, хотя сами по себе не заменяют профессиональную помощь при суицидальном кризисе. Не стоит превращать эти рекомендации в новые требования, за невыполнение которых подростка будут ругать. Важно не добиться идеального режима, а постепенно вернуть ему часть устойчивости.

Имеет значение и восстановление чувства влияния на собственную жизнь. Взрослый может предлагать варианты и помогать оценивать последствия, но по возможности следует оставлять подростку выбор: с кем поговорить, как организовать встречу со специалистом, кого из безопасных взрослых

пригласить к разговору. Участие в принятии решений помогает почувствовать, что помощь не означает полной потери самостоятельности.

Если подросток совершил поступок, о котором жалеет, важно разделять его личность и поведение. Ошибки можно обсуждать, последствия — исправлять, отношения — восстанавливать. Но ни одна неудача не делает человека недостойным заботы. Подросток должен услышать не только то, что его жизнь ценна, но и то, что помощь доступна даже тогда, когда он испытывает стыд, злость, растерянность или не может объяснить свои чувства.

Пример

История ниже — составной иллюстративный пример. Она создана для объяснения психологических механизмов и не описывает конкретного человека.

Шестнадцатилетняя Алина раньше хорошо училась, занималась рисованием и часто проводила время с двумя одноклассницами. В начале учебного года в классе появился новый круг общения, и отношения между девочками постепенно испортились. Сначала Алину перестали приглашать на совместные прогулки, затем начали высмеивать её одежду и внешность. В общем чате появились сообщения, после которых ей стало страшно открывать телефон. Когда она пыталась выяснить, в чём дело, одноклассницы отвечали, что она слишком обидчивая и не умеет воспринимать шутки.

Дома Алина почти ничего не рассказывала. Её мать работала допоздна и привыкла считать дочь самостоятельной. Отец часто спрашивал об оценках и повторял, что в старших классах нужно думать о будущем, а не тратить время на пустяки. Когда Алина однажды пожаловалась на одноклассниц, отец ответил, что нужно научиться постоять за себя, а мать предложила просто меньше сидеть в телефоне.

Алина решила больше не говорить о происходящем. Она опасалась, что родители сочтут её слабой, заберут телефон или начнут разбираться в школе так, что над ней будут сме-

яться ещё сильнее. Ей казалось, что она потеряла друзей, не может рассчитывать на помощь семьи и теперь должна каждый день возвращаться туда, где её унижают.

Постепенно Алина стала хуже спать. Рисование, которое раньше помогало ей отвлечься, перестало приносить удовольствие. Она часто пропускала завтрак, возвращалась из школы в свою комнату и отвечала на вопросы раздражённо. Оценки начали снижаться. Родители воспринимали происходящее как лень и подростковую грубость. Отец стал чаще критиковать дочь, а мать старалась не вмешиваться, чтобы не провоцировать ссоры.

Однажды вечером Алина сказала, что больше не хочет никуда ходить и что всем было бы проще, если бы её не существовало. Мать испугалась, но сначала ответила: «Перестань говорить такие ужасные вещи. Ты даже не представляешь, как мне больно это слышать». Она хотела остановить опасные слова, однако Алина почувствовала, что теперь должна ещё и оберегать мать от собственных переживаний. Девочка замолчала и ушла к себе.

На следующий день классный руководитель заметила, что Алина сидит одна, не участвует в работе группы и с трудом сдерживает слёзы. Учительница не стала ругать её за невнимательность. После урока она предложила поговорить в спокойной обстановке и сказала, что заметила изменения и хочет понять, нужна ли Алине помощь.

Сначала Алина отвечала односложно. Затем рассказала о

сообщениях в интернете и о том, что боится возвращаться в класс. Учительница не стала говорить, что нужно просто игнорировать обидчиков. Она признала, что происходящее может быть очень тяжёлым, и спросила, были ли у Алины мысли о самоубийстве.

Алина призналась, что в последнее время такие мысли действительно появлялись. Ей казалось, что ничего уже нельзя изменить. Она не была уверена, что сможет справиться с переживаниями самостоятельно, и боялась рассказать об этом родителям.

Учительница объяснила, что не может обещать держать в тайне информацию, если существует угроза безопасности, но постарается привлечь только тех взрослых, которые нужны для помощи. Вместе они связались со школьным специалистом и договорились, как сообщить матери о ситуации. Учительница не оставила Алину один на один с проблемой и помогла организовать разговор без публичного обсуждения случившегося.

Сначала мать снова испугалась и стала задавать дочери множество вопросов. Однако школьный специалист помог ей понять, что сейчас важнее не выяснять, почему Алина раньше молчала, а услышать, насколько тяжело ей было. Мать сказала: «Мне жаль, что в тот вечер я больше думала о собственном страхе, чем о том, что с тобой происходит. Я хочу тебя услышать. Нам не обязательно решать всё сразу, но тебе не придётся оставаться с этим одной».

Родители организовали консультацию специалиста по психическому здоровью подростков. Вместе с Алиной они обсудили её состояние, необходимость дальнейшей помощи и конкретные шаги для обеспечения безопасности. Семья также начала взаимодействовать со школой по поводу травли. Вопрос не свели к требованию, чтобы Алина стала увереннее или перестала обращать внимание на сообщения: взрослые занялись поведением тех, кто её унижал, и тем, как обеспечить ей защиту.

Восстановление не произошло мгновенно. Алина ещё какое-то время боялась встречаться с одноклассниками, сомневалась в себе и иногда снова думала, что ничего не изменится. Но теперь она могла рассказать об этом матери и специалисту, не ожидая немедленного наказания или насмешек. Постепенно в её жизни появились занятия и люди, рядом с которыми она чувствовала себя спокойнее. Ей не пришлось доказывать, что она достаточно сильная, чтобы справиться со всем без помощи.

Психологический анализ примера

Кризис Алины возник не из-за одного сообщения в интернете. На её состояние повлияли травля, потеря привычных отношений, страх публичного унижения, высокая учебная нагрузка и ощущение, что родители не понимают происходящего. Каждая из этих трудностей усиливала остальные. Ко-

гда девочка решила молчать, у окружающих стало ещё меньше возможностей заметить, насколько серьёзной была ситуация.

Первоначальная реакция матери была продиктована страхом, но оказалась для Алины дополнительным препятствием. Подросток услышал, что его слова причиняют боль близкому человеку, и мог сделать вывод, что откровенность только ухудшает положение. Исправление этой реакции потребовало не безошибочного поведения, а готовности матери признать ошибку, выслушать дочь и изменить способ общения.

Не менее важно то, что учительница не пыталась решить всё самостоятельно. Она выслушала Алину, прямо спросила о суицидальных мыслях и помогла подключить специалистов. При этом защита от травли стала отдельной задачей взрослых. От подростка не потребовали самостоятельно устранить опасную для него ситуацию.

Этот пример показывает, почему нельзя судить о серьёзности переживаний по оценкам, внешнему поведению или возрасту. Алина продолжала ходить в школу, но это не означало, что она чувствовала себя в безопасности. Также нельзя было делать вывод, что проблема несерьёзная, потому что она началась с отношений между одноклассниками. Для самой Алины эти отношения составляли существенную часть повседневной жизни.

Что важно помнить взрослым

Подростку, который переживает суицидальный кризис, нужны не идеальные родители и не взрослые, способные мгновенно устранить все трудности. Ему необходимы люди, которые готовы замечать изменения, задавать прямые вопросы, выдерживать неприятные ответы и помогать обращаться за профессиональной поддержкой.

Не следует считать любое уединение опасным или требовать полного раскрытия личной жизни. Подростку нужно пространство для самостоятельности. Но когда появляются слова о самоубийстве, выраженная безысходность или сомнения в его способности оставаться в безопасности, уважение к личным границам должно сочетаться с необходимыми защитными действиями.

Если вы подозреваете, что подросток находится в кризисе, не ждите, пока он сам найдёт правильные слова. Начните с простого разговора, в котором не будет угроз, насмешек и требований немедленно объяснить свои чувства. Слушайте больше, чем убеждаете. Если опасность непосредственна, привлекайте экстренную медицинскую помощь и не оставляйте подростка одного.

И самое важное: суицидальные мысли не делают подростка плохим, слабым или неблагодарным. Они свидетельствуют о страдании, которое нужно воспринимать серьёзно. Под-

держка не гарантирует мгновенного исчезновения боли, но может помочь человеку пережить опасный период, увидеть альтернативы и постепенно восстановить ощущение, что будущее не исчерпывается нынешними обстоятельствами.

В следующей главе мы рассмотрим суицидальные мысли в пожилом возрасте, когда к эмоциональным трудностям могут добавляться утраты, изменения здоровья, уменьшение привычного круга общения и одиночество.

ГЛАВА 27

СУИЦИДАЛЬНЫЕ МЫСЛИ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ: УТРАТЫ, ЗДОРОВЬЕ И ОДИНОЧЕСТВО

ВНИМАНИЕ, ПОДДЕРЖКА И КОМПЛЕКСНАЯ ПОМОЩЬ МОГУТ СОХРАНИТЬ ЖИЗНЬ

УТРАТЫ И ГОРЕВАНИЕ

Смерть партнёра, близких друзей и родных может вызывать глубокую печаль, чувство пустоты, утрату смысла жизни и мысли о смерти.

ХРОНИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ

Боль, ограничение подвижности, зависимость от лекарств и помощь других людей могут вызывать чувство беспомощности, раздражительность и желание «прекратить страдания».

СНИЖЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Трудности с привычными делами, потеря возможности работать, водить машину или жить отдельно могут вызывать ощущение ненужности и потери контроля над жизнью.

СОЦИАЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ

Реже видятся с друзьями, ограниченные контакты, одиночество дома, чувство, что «никому не нужен», повышают риск депрессии и суицидальных мыслей.

ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО ЖИЗНЬ ПОДОШЛА К КОНЦУ

Мысли о бесполезности, страх стать обузой для семьи, чувство вины, переживания о будущем и страх утраты достоинства могут усиливать желание уйти из жизни.

СКРЫТОЕ ОТЧАЯНИЕ

Пожилые люди часто не говорят о своих мыслях, чтобы не тревожить близких и не казаться слабыми. Они могут скрывать депрессию за внешним спокойствием, иронией или заботой о других.

БЫТЬ РЯДОМ И ПРОЯВЛЯТЬ ЗАБОТУ

Регулярно общайтесь, интересуйтесь самочувствием, выслушивайте без спешки и осуждения. Простое присутствие, внимание и тёплое отношение помогают почувствовать, что человек не один и его жизнь имеет значение.

ЗАБОТИТЬСЯ О МЕДИЦИНСКОМ ЗДОРОВЬЕ

Своевременно обращаться к врачам, контролировать хронические заболевания, обсуждать боль и другие симптомы. Хорошее физическое самочувствие снижает уровень страданий и риск суицидальных мыслей.

СОХРАНЯТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Поддерживайте участие в повседневных делах, учитывайте возможности и ограничения. Помогайте там, где это необходимо, но не лишайте человека права принимать решения и ощущать контроль над своей жизнью.

РАСШИРЯТЬ СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ

Помогайте поддерживать связь с родственниками, друзьями и знакомыми. Участие в клубах, хобби, волонтёрстве и других значимых активностях может снижать чувство одиночества и возвращать интерес к жизни.

ПОДДЕРЖИВАТЬ СМЫСЛ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

Помогайте находить значимые цели, небольшие радости, хобби и возможности быть полезным другим. Важно признавать жизненный опыт и ценность человека, независимо от возраста и состояния здоровья.

ОБРАЩАТЬСЯ ЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОМОЩЬЮ

При признаках депрессии, утрате интереса к жизни, разговорах о смерти или изменениях поведения важно вовремя обратиться к психотерапевту, психиатру, семейному врачу и социальным службам. Комплексная помощь может существенно снизить риск кризиса.

ПРИМЕР РАЗГОВОРА, КОТОРЫЙ УСИЛИВАЕТ ОТЧАЯНИЕ

Такие фразы могут усиливать чувство вины, стыда, одиночества и заставлять человека ещё больше замыкаться.

ПРИМЕР ПОДДЕРЖИВАЮЩЕГО РАЗГОВОРА

Спокойный, уважительный разговор помогает снизить тревогу, укрепить доверие и найти дальнейшие решения.

ЖИЗНЬ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ МОЖЕТ ОСТАВАТЬСЯ ЗНАЧИМОЙ И ЦЕННОЙ.

ВНИМАНИЕ, ПОДДЕРЖКА И СВОЕВРЕМЕННАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ МОГУТ СПАСТИ ЖИЗНЬ.

Глава 27. Суицидальные мысли в пожилом возрасте: утраты, здоровье и одиночество

Пожилой возраст часто представляют как время подведения итогов, спокойствия и заслуженного отдыха. Предполагается, что человек уже многое пережил, накопил жизненную мудрость и научился принимать неизбежные перемены. Однако реальная жизнь гораздо сложнее подобных представлений. Старение может сопровождаться не только приобретённым опытом, но и утратами, хроническими заболеваниями, физическими ограничениями, изменением семейных ролей, снижением дохода и постепенным исчезновением привычного круга общения.

Для одного человека выход на пенсию становится возможностью заниматься любимым делом, больше времени проводить с близкими и освобождаться от прежней нагрузки. Для другого он означает потерю важной части идентичности. Работа могла давать не только заработок, но и чувство нужности, уважение коллег, ежедневный распорядок, возможность общаться и ощущать собственную значимость. Когда привычная деятельность прекращается, человеку бывает трудно понять, чем наполнить освободившееся время и на что теперь опираться в оценке самого себя.

Ещё серьёзнее могут переживаться смерть супруга, потеря близких друзей, ухудшение здоровья или необходимость отказаться от привычной самостоятельности. Иногда эти события происходят одно за другим. Человек не успевает приспособиться к одному изменению, как сталкивается со следующим. Постепенно может появиться ощущение, что прежняя жизнь исчезла, будущее ограничено, а оставшиеся возможности не способны компенсировать утраты.

В такой ситуации некоторые пожилые люди начинают думать о смерти, говорить, что уже прожили своё, что никому не нужны или что окружающим будет легче без них. Такие слова нельзя автоматически считать естественным проявлением старости. Серьёзное эмоциональное страдание не становится менее значимым из-за возраста человека. Если возникают мысли о самоубийстве, они заслуживают такого же внимательного отношения, как и в любом другом возрасте.

При этом нельзя утверждать, что пожилой возраст сам по себе приводит к суицидальным мыслям. Многие люди сохраняют интерес к жизни, строят планы, находят новые занятия и испытывают глубокую радость даже при наличии заболеваний и физических ограничений. Риск кризиса зависит от сочетания обстоятельств, состояния здоровья, психологических ресурсов, качества отношений и доступности помощи.

Главная задача — увидеть за внешними изменениями конкретного человека, понять, что для него стало особенно болезненным, и помочь сохранить достоинство, самосто-

ятельность и чувство связи с жизнью.

Когда утрата меняет представление о будущем

Потеря близкого человека способна изменить повседневную жизнь гораздо глубже, чем это заметно со стороны. После смерти супруга или супруги человек теряет не только любимого, но и привычного собеседника, партнёра по повседневным делам, свидетеля собственной жизни. Исчезают общие завтраки, разговоры перед сном, семейные традиции, совместные решения и простое ощущение, что рядом есть человек, которому можно рассказать о прошедшем дне.

Особенно тяжёлой бывает утрата после многолетнего брака. Партнёры могли десятилетиями жить в согласованном ритме, разделять обязанности, заботиться друг о друге и строить планы. После смерти одного из них оставшийся человек сталкивается с тишиной в доме и необходимостью заново организовывать каждый день. Даже привычные действия могут напоминать о том, кого больше нет.

Горе не развивается по единому расписанию. Один человек способен постепенно возвращаться к обычным делам, продолжая скучать по умершему. Другому требуется значительно больше времени, а переживания долго остаются острыми. Бывают дни относительного спокойствия, за которыми вновь следуют тяжёлые периоды. Само по себе возвращение печали не означает, что человек движется назад или

неправильно переживает утрату.

Настораживает ситуация, когда горе сопровождается устойчивым ощущением полной безысходности, потерей интереса ко всему, выраженной самообвиняющей мыслью, что жизнь больше не имеет смысла, или убеждением, что оставаться в живых незачем. Важно также обращать внимание на общее состояние: человек может перестать нормально питаться, отказываться от медицинской помощи, почти полностью прекратить общение или говорить, что хочет поскорее уйти вслед за умершим.

Иногда пожилой человек не выражает горе открыто, потому что считает необходимым быть сильным. Он может уверять близких, что всё в порядке, хотя каждый вечер сталкивается с мучительным одиночеством. В других случаях он считает, что уже слишком стар, чтобы позволить себе новые привязанности, интересы или радость. Будто после определённого возраста право на будущее постепенно прекращается.

Поддержка не должна требовать от человека забыть умершего или поскорее вернуться к прежнему состоянию. Память о близком и продолжение собственной жизни не противоречат друг другу. Человек может сохранять любовь к умершему, говорить о нём, отмечать важные даты и одновременно постепенно создавать новые привычки и отношения.

Иногда достаточно помочь восстановить небольшие элементы повседневности: договориться о регулярных встре-

чах, вместе готовить еду, гулять, посещать памятные места или возвращаться к занятиям, которые раньше приносили удовольствие. Но если скорбь сопровождается выраженным ухудшением состояния или суицидальными мыслями, одной бытовой поддержки может быть недостаточно. Нужна профессиональная оценка и, при необходимости, помощь специалиста по психическому здоровью.

Хронические заболевания и потеря самостоятельности

Здоровье влияет не только на физическое самочувствие, но и на представление человека о себе. Тот, кто десятилетиями работал, воспитывал детей, ремонтировал дом, помогал родственникам и самостоятельно решал множество задач, может тяжело переживать необходимость просить о помощи даже в простых делах.

Хроническая боль, ограниченная подвижность, ухудшение зрения или слуха, последствия перенесённых заболеваний, проблемы с памятью и другие изменения могут постепенно сокращать привычную активность. Человеку становится труднее выходить из дома, пользоваться транспортом, готовить пищу, выполнять домашние обязанности или встречаться с друзьями. То, что раньше занимало несколько минут, теперь требует усилий, подготовки и помощи окружающих.

Особенно болезненно переживается зависимость от других, если самостоятельность всегда была основой самооценки. Человек может рассуждать следующим образом: «Я всю жизнь заботился о семье, а теперь сам ничего не могу. Раньше от меня была польза, а теперь только хлопоты». За этими словами скрывается не только неудовлетворённость физическими возможностями, но и страх потерять уважение близ-

ких.

Однако потребность в помощи не делает человека менее ценным. Самостоятельность не обязательно означает способность выполнять абсолютно все действия без постороннего участия. Она также включает возможность принимать решения, выбирать занятия, выражать предпочтения, участвовать в планировании собственной жизни и сохранять контроль над тем, что ещё доступно.

Например, человек, которому трудно самостоятельно ходить в магазин, может продолжать составлять список покупок, выбирать продукты, готовить любимые блюда с помощью родственника или принимать участие в других семейных делах. Если же близкие начинают делать за него всё без обсуждения, даже тогда, когда он способен участвовать, помощь может восприниматься как постепенное лишение права распоряжаться собственной жизнью.

Важно не путать физические ограничения с полной беспомощностью. Ухудшение способности передвигаться не означает автоматической утраты способности думать, выбирать, чувствовать, любить и быть участником семейных отношений.

В то же время не следует преуменьшать реальные трудности. Фраза «главное — не сдавайся» не устранит хроническую боль, не восстановит утраченную функцию и не заменит необходимый уход. Человеку может требоваться медицинское лечение, реабилитация, адаптация жилья, техниче-

ские средства, помощь по хозяйству или социальное обслуживание.

Иногда суицидальные мысли появляются на фоне невыносимого физического дискомфорта, недостаточно контролируемой боли, нарушений сна или побочных эффектов лекарств. В таких ситуациях важно не ограничиваться психологическим объяснением состояния. Необходимо обсудить с врачом физические симптомы и лечение, проверить, есть ли возможность улучшить контроль над болью, пересмотреть уход или подобрать дополнительные способы облегчения состояния.

Если пожилой человек говорит, что больше не выдерживает, это не следует автоматически трактовать как обычную жалобу на старость. За такими словами может стоять состояние, требующее внимания нескольких специалистов.

Ощущение, что ты стал обузой

Одно из наиболее болезненных переживаний, с которыми сталкиваются некоторые пожилые люди, — убеждение, что они обременяют окружающих. Оно особенно часто возникает, когда человек начинает нуждаться в регулярном уходе, финансовой помощи или участии семьи в повседневных делах.

Например, пожилой отец может видеть, как взрослая дочь совмещает работу, воспитание детей и заботу о нём. Он замечает её усталость, слышит разговоры о нехватке времени и начинает считать себя причиной всех её трудностей. Даже если дочь искренне хочет помогать, он может делать вывод, что она вынуждена жертвовать собственной жизнью ради него.

Внутренний диалог постепенно приобретает обвинительный характер: «Я только забираю силы. Из-за меня они не могут жить нормально. Если бы меня не было, всем стало бы проще».

Проблема заключается в том, что человек воспринимает себя исключительно через объём помощи, которую получает или способен оказать. Его ценность словно превращается в расчёт: сколько пользы он приносит и сколько ресурсов потребляет. Если баланс кажется отрицательным, возникает ощущение, что существование стало неоправданным.

Такое мышление не учитывает, что близкие отношения никогда не сводятся к постоянному обмену услугами. В разные периоды жизни люди помогают друг другу по-разному. Родители годами заботятся о детях, затем взрослые дети могут участвовать в заботе о родителях. Но даже если человек не имеет детей, живёт один или нуждается в значительном уходе, его достоинство и право на жизнь не зависят от того, сколько пользы он приносит другим.

При этом недостаточно просто сказать пожилому человеку: «Ты нам не мешаешь». Если он ежедневно видит, как близкие устают, отменяют собственные планы или спорят из-за обязанностей, одних заверений может оказаться мало. Необходимо по возможности открыто обсуждать организацию помощи, распределение нагрузки и доступные ресурсы.

Иногда чувство обузы усиливается, когда человек скрывает свои потребности. Он отказывается от просьб, старается самостоятельно справляться с задачами, которые уже стали опасными или чрезмерно трудными, а затем испытывает истощение и ещё сильнее убеждается в собственной беспомощности.

Полезно различать две мысли: «Моим близким действительно нужна помощь в организации ухода» и «Я не заслуживаю жить, потому что мне требуется уход». Первая указывает на конкретную проблему, которую можно решать совместно с родственниками, врачами и социальными службами. Вторая является болезненным выводом о собственной

ценности, который необходимо воспринимать серьёзно, особенно если он сопровождается желанием умереть.

Если пожилой человек говорит о том, что стал обузой и всем было бы легче без него, важно не спорить с ним резко и не требовать благодарности за полученную заботу. Лучше выяснить, что именно его тревожит: финансовые расходы, физическая зависимость, страх перед будущим, конфликт с родственниками или ощущение потери достоинства. За общими словами могут скрываться вполне конкретные трудности, которые можно облегчить.

Одиночество и социальная изоляция

Одиночество и социальная изоляция связаны, но не являются одним и тем же. Человек может жить один, иметь достаточно контактов и чувствовать себя спокойно. Другой может жить в большой семье, регулярно видеть родственников и всё равно испытывать глубокое одиночество, потому что не чувствует эмоциональной близости и возможности говорить о важном.

После выхода на пенсию могут исчезнуть ежедневные контакты с коллегами. Друзья переезжают, болеют или умирают. Дети создают собственные семьи, меняют города, заняты работой и воспитанием детей. При ограниченной подвижности становится труднее поддерживать старые знакомства и находить новые.

Постепенно круг общения может сужаться до нескольких телефонных разговоров и редких визитов. При этом человек не всегда решается первым позвонить. Он думает, что не следует отвлекать близких, что его истории уже никому не интересны или что приглашение на встречу будет выглядеть навязчивым.

Так возникает замкнутый круг. Чем меньше контактов, тем сильнее ощущение изоляции. Чем сильнее изоляция, тем труднее проявить инициативу. Человек перестаёт звонить, поскольку ожидает отказа, а окружающие постепенно

привыкают к его молчанию и начинают считать, что он предпочитает одиночество.

Иногда социальная изоляция связана с физическими препятствиями: отсутствием доступного транспорта, неудобной средой, финансовыми ограничениями или необходимостью постоянного ухода. В других случаях мешают тревога, депрессивное состояние, снижение слуха, стыд из-за ухудшения здоровья или страх оказаться в неловкой ситуации.

Поэтому совет «чаще общайся с людьми» редко бывает достаточным. Если человеку трудно выходить из дома, ему может понадобиться помощь с транспортом или сопровождением. Если мешают нарушения слуха, нужно подумать о медицинской оценке и технических средствах. Если общение стало вызывать страх и сильное напряжение, полезна психологическая поддержка.

Восстановление контактов не обязательно должно начинаться с большого круга знакомых. Иногда первым шагом становится регулярный звонок одному близкому человеку, посещение местного клуба, участие в доступных общественных мероприятиях, общение с соседями или возвращение к давно оставленному увлечению. Важнее не количество контактов, а наличие отношений, в которых человек чувствует, что его замечают и принимают.

Отдельного внимания заслуживает одиночество после утраты супруга. Родственники могут искренне заботиться о пожилом человеке, но не способны полностью заменить от-

ношения, существовавшие десятилетиями. Не следует ожидать, что общение с детьми автоматически устранит тоску по умершему партнёру. Человеку может быть важно не только встречаться с близкими, но и иметь возможность говорить о своём горе, вспоминать совместную жизнь и постепенно искать новые источники эмоциональной близости.

Депрессия в пожилом возрасте: почему её можно не заметить

Депрессивное состояние у пожилого человека не всегда выглядит как постоянный плач или открыто выраженная печаль. Иногда на первый план выходят усталость, раздражительность, потеря интереса к общению, жалобы на физическое самочувствие, снижение концентрации внимания и ощущение, что повседневные дела требуют непосильных усилий.

Человек может объяснять всё возрастом: «В моём положении иначе и быть не может», «В моём возрасте уже нечему радоваться». Родственники иногда разделяют это представление и не замечают, что состояние значительно изменилось. Если пожилой человек перестал интересоваться тем, что раньше было для него важным, постоянно обвиняет себя или говорит, что не видит смысла просыпаться утром, нельзя считать такое поведение неизбежной частью старения.

Депрессия не является естественной обязанностью пожилого возраста. Она может возникать на фоне утраты, хронических заболеваний, боли, социальной изоляции или других обстоятельств, а иногда развивается без очевидного внешнего события. Возможны и сочетания психологических и медицинских факторов.

Кроме того, новые нарушения сна, памяти, внимания или

поведения могут иметь разные причины. Они не всегда объясняются депрессией и требуют медицинской оценки. Некоторые заболевания, нарушения обмена веществ, побочные эффекты лекарств и другие состояния способны влиять на настроение и мышление.

Особенно осторожно следует относиться к резкому изменению поведения, внезапной спутанности сознания или неожиданному ухудшению способности ориентироваться. Такие изменения могут указывать на острое медицинское состояние и требуют безотлагательной оценки врачом.

Если пожилой человек начинает говорить, что его жизнь закончена, что он больше не хочет просыпаться или что смерть была бы облегчением, необходимо не только поддержать его эмоционально, но и выяснить, связаны ли эти высказывания с мыслями о самоубийстве. Прямой и спокойный вопрос помогает понять, насколько серьёзно положение. Бояться самого разговора не следует.

При подтверждённых суицидальных мыслях важно выяснить, есть ли непосредственная опасность, и организовать профессиональную помощь. Если человек сообщает о намерении причинить себе вред, не уверен, что сможет оставаться в безопасности, или его поведение указывает на непосредственную угрозу, нельзя оставлять его одного и полагаться на обещания. Нужно обращаться за экстренной медицинской помощью.

Почему важно уважать самостоятельность

Помогать пожилому человеку — не значит принимать за него все решения. Иногда родственники из лучших побуждений начинают контролировать каждый аспект жизни: требуют отчётов о самочувствии, запрещают выходить из дома, решают, с кем общаться, что покупать и чем заниматься. Если человек ещё способен самостоятельно оценивать ситуацию и принимать решения, чрезмерный контроль может усилить ощущение беспомощности.

Вместо того чтобы сразу предлагать готовое решение, лучше спросить: «Что тебе сейчас труднее всего?», «Какую помощь ты хотел бы получать?», «Что тебе важно продолжать делать самостоятельно?» Эти вопросы показывают, что человек остаётся участником собственной жизни, а не превращается в объект ухода.

Полезно вместе определить, какие задачи он может выполнять самостоятельно, где достаточно небольшого содействия, а где действительно необходима помощь. Например, человек может нуждаться в сопровождении на приёме у врача, но предпочитать самостоятельно обсуждать с врачом лечение. Или ему может быть трудно покупать тяжёлые продукты, но он хочет продолжать сам планировать питание и готовить.

Сохранение самостоятельности также предполагает право на личное пространство, привычки, вкусы и отношения. Не каждый пожилой человек хочет посещать мероприятия, переезжать к детям или проводить всё свободное время в компании. Само по себе желание побыть одному не является признаком опасного состояния.

Различать уважительное уединение и опасную изоляцию следует по совокупности обстоятельств. Если человек сознательно выбирает спокойный образ жизни, поддерживает доступные ему отношения, интересуется привычными делами и в целом чувствует себя устойчиво, его предпочтения необходимо уважать. Если же он перестаёт отвечать на звонки, отказывается от значимых занятий, утрачивает интерес к жизни, пренебрегает необходимым лечением и выражает безнадёжность, стоит спокойно выяснить причины и предложить помощь.

Когда возникают суицидальные мысли или непосредственная угроза безопасности, уважение автономии не означает бездействия. Необходимые защитные действия и медицинская оценка должны проводиться с максимально возможным уважением к человеку, с объяснением происходящего и учётом его мнения настолько, насколько позволяет ситуация.

Медицинская, психологическая и социальная поддержка

Суицидальный кризис в пожилом возрасте нередко требует участия нескольких специалистов. Медицинская помощь необходима для оценки физических симптомов, хронической боли, нарушений сна, возможных побочных эффектов препаратов и других факторов, которые могут ухудшать состояние. При выраженных эмоциональных нарушениях, депрессии или суицидальных мыслях может потребоваться консультация психиатра или психотерапевта.

Психологическая помощь способна поддержать человека в переживании утраты, адаптации к ограничениям, изменении семейных ролей и восстановлении чувства собственной ценности. Она также может помочь разобраться с убеждениями вроде «я никому не нужен», «я должен справляться сам» или «просить о помощи стыдно».

Однако не следует возлагать на психолога решение всех проблем, если значительная часть страдания связана с реальными бытовыми обстоятельствами. Трудно почувствовать себя устойчивее, если человек постоянно испытывает боль, не может добраться до врача, живёт в небезопасных условиях или не имеет средств на необходимые расходы. В таких случаях психологическую помощь важно сочетать с медицинскими и социальными мерами.

Социальная поддержка может включать помощь по хозяйству, организацию ухода, обеспечение доступного транспорта, технические средства для сохранения мобильности, консультации по положенным услугам и взаимодействие с социальными службами. Иногда небольшое практическое изменение заметно уменьшает чувство беспомощности: установка удобных поручней, организация доставки продуктов или помощь в посещении медицинского учреждения.

Существенную роль играет и поддержка родственников. Если уход распределён исключительно на одного человека, он сам может постепенно истощиться. Тогда пожилой родственник начинает замечать усталость помощника и ещё сильнее чувствует себя обузой. Более устойчивое решение предполагает распределение обязанностей, привлечение доступных служб и открытое обсуждение того, какую помощь реально могут предоставлять близкие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.